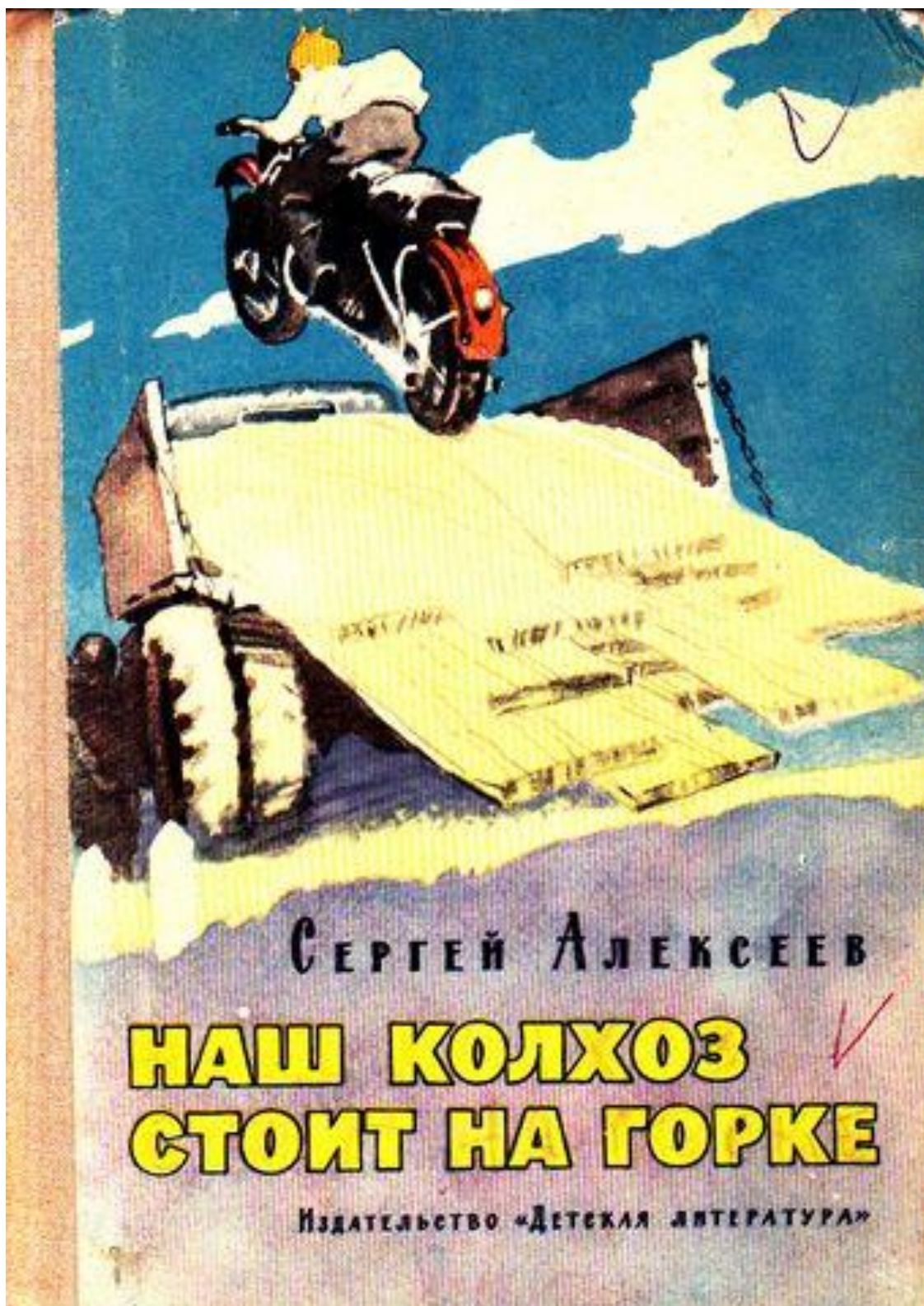
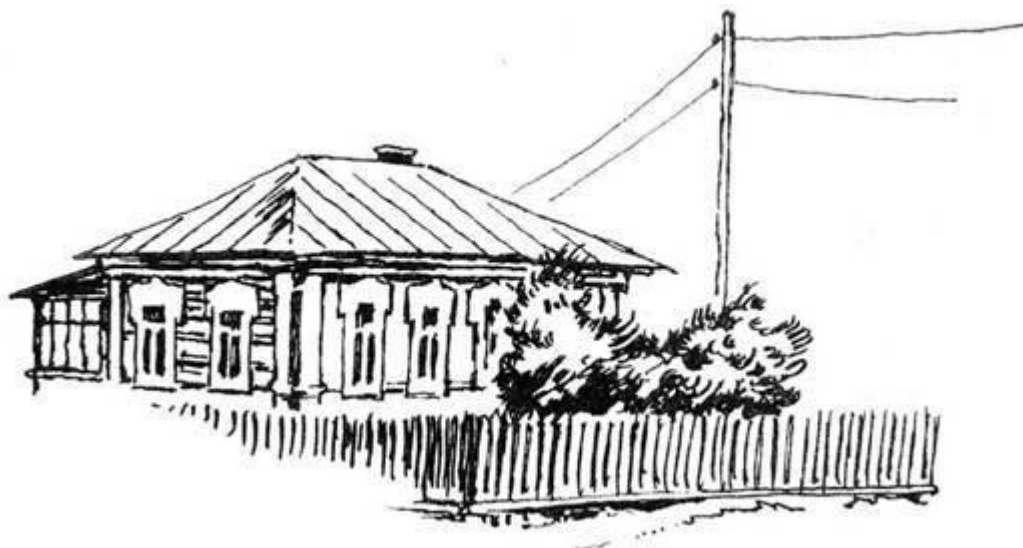

Сергей Алексеев

Наш колхоз стоит на горке

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ В КОЛХОЗ

Наш колхоз стоит на горке. Далеко кругом видать.

Глянешь вправо — даль лесная. Глянешь влево — рожь густая. Станешь к югу — речка с лугом. Повернись быстрее на север — вика, мята, просо, клевер. И, конечно, русский лен с четырех его сторон.

Наш колхоз стоит на горке. Он не лучший, он не худший. В чем-то первый, в чем-то нет. Записать в передовой — это будет очень много. Говорить о нем — отсталый, и обидно, и неверно. В общем, наш колхоз примерно, как солдат на переходе. Он пока не прибыл к первым. Он пока еще в пути.

Слава нашего колхоза за холмами — впереди.

Много разного народа населяет наш колхоз. Разве всех тут упомянешь? Разве всех тут назовешь? Люди здесь встают с рассветом и ложатся рано спать. Тут зимой и знойным летом не привыкли отдыхать. Тут кипит всегда работа, чтобы ты и твой сосед был накормлен, был одет. Слава этого колхоза, хоть она и впереди, тесно связана с людьми.

Ну, а люди — это люди. В каждом что-нибудь свое. Люди нашего колхоза — это гордость и беда. Есть великие герои, есть отпетые лентяи, есть ни два ни полтора.

Но конечно, в целом, в общем, наш колхоз на высоте. Если худо, мы не плачем. Не кричим мы об удачах. Мы совсем-совсем не те.

Приезжайте посмотрите — убедитесь в этом сами. Мы и сами ведь с усами. Палец в рот нам не клади. Мы готовы к встрече с вами.

Напишите нам о дне. Адрес наш: среди березок, на Российской стороне.

Что же к этому добавить? Что же нам еще сказать?

Приезжайте посмотрите.

Наш колхоз стоит на горке. С горки лучше все видать.

Глава первая

ИСТОРИЯ ТОПТЫГИНЫХ

ДЕВЯТЬ — ДЕСЯТЫЙ

Председатели в Березках менялись, как сны. Просто беда бедой. Можно сказать — наваждение. За несколько лет сменилось их девять.

Только приедет один, едва осмотрится, только приступит к работе — смотришь, на смену спешит другой. За ним третий, четвертый, пятый...

Одни уезжали по доброй воле. Других по партийной снимали линии. Кого-то забрали куда-то наверх, то есть люди пошли на повышение. Со снижением тоже были. Правда, последнее реже. Короче, с колхозным начальством история длинная. Как-то в Березках председатели не держались. Хотя и климат в Березках, можно сказать, отличный и люди душевные.

И вот приехал в село десятый.

Был он ни стар, ни молод. Ни худ, ни толст. Голос имел не громкий.

— Савельев, Степан Петрович, — представился прибывший.

Встречали его бригадиры и члены правления. А от рядового народа — старик Опенкин. После каждой подобной председательской встречи Опенкин делал прогноз, надолго ли новый в Березки прибыл. Как он к выводам своим приходил, из каких там примет и поверий, никому не известно. Но не было случая, чтобы старик ошибся. Поэтому на встречи его и брали.

Как водится, первым делом приехавший совершает обход по колхозу: пройдет по селу председатель, заглянет на фермы, на птичник, конный двор, другие осмотрит колхозные службы.

Все ждали, что новый с того же начнет.

И вдруг:

— Где здесь в Березках кладбище?

Где? За околицей. На самом высоком месте. Метрах в двухстах от села. Кто-то когда-то очень давно очень верно тут выбрал место. Гордились раньше в Березках кладбищем. Лучшее было во всей округе. Но те времена миновали. Теперь страшно глянуть на тот погост. Ограда давно разрушена. Ненасытные козы, как волки, бродят. Могильные холмики сникли, осыпались. А половина и вовсе с землей сровнялась.

Пришел председатель на кладбище. Шапку снял, постоял, посмотрел на убогие эти могилы. На кресты, которые вкривь и вкось, на козлиное это стадо.

Ничего не сказал председатель. Молча поклонился земле и ушел.

Вернулся Савельев в село, и дальше начался обычный всему осмотр.

Посещение председателем кладбища, столь неожиданное и непонятное, посеяло в колхозе десятки догадок.

— Может, он из поповского рода?

— Может, умер кто-то из очень близких и он на могилах теперь чуть тронутый?

— Оригинал!

— Ну как? — обращались крестьяне к деду Опенкину. — Надолго приехал в село десятый?

Дед чесал бороду, но с ответом тянул. Необычным поведением председателя он и сам был поставлен в немалый тупик.

ПЕРВЫЙ

Да не везло Березкам на председателей. Не получалось.

Первый, о котором ниже пойдет рассказ, вовсе не самый первый. Первым председателем в Березках был Капитон Захаров. В 1931 году его кулаки убили. Этот же первый просто для счета назван. Первый он потому, что с него и пошли неудачи в Березках, завертелась мельница председательских смен.

Фамилию этот первый носил Топтыгин. Фамилию он оправдал.

Левонтий Михалыч Топтыгин был мужчина огромного роста. Уже заметно в годах. Со сложившимся характером и привычками.

С одной стороны, был мягок, с другой — крут и словно начинен взрывчаткой. Если Топтыгин сердился — отбегай, как от мины, от него на версту.

Впрочем, и мягок — слово не то, просто податлив он оказался на лесть и делал для тех поблажки, кто ходил следом и подошвы ему лизал.

А такие нашлись. Даже в Березках.

В остальном же Топтыгин был настоящий Топтыгин. Возражений никаких не терпел. Мнений чужих не слушал. Довел колхоз до того, что и пикнуть при нем не решались.

Попробовал, правда, бригадир Червонцев, но тут же был скручен в бараний рог. Лишь через два председателя после Топтыгина Червонцев вернулся опять к бригаде. А работник он был исключительный. Человек тоже.

Дед Опенкин и тот пострадал. Однако по собственной неосторожности. Отозвался он как-то недобрым словом о председателе. Кто-то немедленно донес Топтыгину. Опенкин попал в

опалу. Единственная работа, которую теперь старику поручали, — это возить на поля навоз.

В общем, словно бы набежала над селом и колхозом туча. И песни при Топтыгине в Березках пропали, и посиделки стали совсем не те.

Дети тоже его боялись. Поэтому матерям достаточно было сказать: «Вот Левонтий Михалыч тебя заберет», — как любой озорник становился сразу шелковым.

«Я поставлен над колхозом», — любил повторять Топтыгин.

Решал все сам. Колхозного правления не собирал. В Березках при нем даже забыли, кто у них в членах правления.

И вот само собою сложилось так, что как бы ни поступил, что бы ни сделал Левонтий Михалыч — это самое верное, самое мудрое. Что бы он ни сказал — то включай хоть в учебник истории, храни на века для потомства. Топтыгин и сам в такое уверовал.

Хозяйство он вел более или менее со знанием дела, но так приглушил людей, что о каком-то развитии, о росте колхоза при Топтыгине нечего было и думать.

Жили со скрипом. Вперед не двигались.

Конечно, долго продолжаться так не могло. Конец Топтыгина был неизбежен. И он наступил.

— Помер Топтыгин, — говорили в Березках. — Скончался естественной смертью.

«РУКА»

Вслед за Топтыгиным приехал в Березки Кирилл Матвеев.

У нового председателя наверху, в областном управлении имелась «рука» — то есть кто-то очень его поддерживал.

Впрочем, Матвеев того не скрывал. Скорее, наоборот.

Уж насколько опротивел этот Матвеев даже районным властям, однако трогать его не решались.

Чуть что — Матвеев сейчас же:

— Я тут с одним человеком советовался, так он, как и я, в точности так же по этому делу думает.

А поди докажи, советовался ли он с тем человеком и так ли тот думает.

Правда, как-то в районе чуть поприжали Матвеева. Но тут же почувствовали — верно, «рука» имеется.

А прижать было за что: Матвеев был горьким пьяницей. И если вступал в запой, то это надежно, надолго. Хорошо бы, сидел, отсыпался дома. Однако Матвеев был из других — лез на солнце, на люди.

А ведь пьяному даже море по щиколотку, не то что колхоз Березки. В пьяном виде и любил председатель управлять людьми и колхозом.

— Вы со мной не пропадете! — кричал Матвеев.

И тут же брал непомерные для колхоза обязательства и давал налево и направо

невыполнимые обещания.

Любил также Матвеев идти с соседними колхозами на разного рода обмен. Причем всегда несуразный. Менял племенного быка на таратайку. Отару овец — на стол для правления. Молотилку — на старый мотоциклет.

Однако, придя после запоя в здоровое состояние, председатель хватался за голову. Человек он был вовсе не глупый. Ездил поспешно в область — к «руке». И самое страшное улаживалось: попойка прощалась, взятые обязательства район пересматривал.

Потом начинался возврат добра из соседних колхозов. Отгоняли назад таратайку — возвращали племенного быка. Отвозили из правления стол и пригоняли назад отару.

Через некоторое время у Матвеева опять начинался запой. Председатель кричал:

— Вы со мной не пропадете!

И все начиналось заново.

История с Матвеевым кончилась враз, неожиданно. Как-то председатель снова поехал в область к своей областной «руке» и к колхозным делам не вернулся.

Потом в Березках узнали, что именно в это время отрубили ту областную «руку». Получалось, что вместе с «рукой» отлетел и Матвеев.

ССЫЛЬНЫЙ

Председатель Посиделкин сам не отрицал того, что он временный. Знали колхозники, что прибыл он к ним в Березки как бы в ссылку. Впрочем, вовсе и не они это слово придумали.

— Ссылный я, ссылный, — говорил сам Посиделкин. За что же он ссылный и на долгий ли срок, в Березках того не знали.

Доброты оказался он редкостной. От этой доброты главным образом и страдали Березки.

Зачастили в колхоз при Посиделкине разные районные гости. Приезжали они поштучно, а то и целыми группами. Основной массой — с августа по октябрь, то есть в сезон урожая.

Особенно гуси боялись этих визитов. Следом за ними шли поросята. С пустыми руками гости домой не ехали.

— Нельзя, нельзя из села без гостинцев. Пусть не думают, что мы тут какие-то бедные, — объяснял колхозникам добрейший их председатель.

Вот и уплывало в машинах, в телегах, в мешках, в корзинах колхозное добро из Березок.

— Печенеги, — говорил об этих гостях бригадир Червонцев.

Сельский всезнайка Федор Кукушкин тут же всем объяснил, что были когда-то такие степные народы и известны они по истории набегами злыми на Русь.

— Печенеги, — соглашались колхозники.

Кроме того, председатель оказался большим любителем всякой охоты. А так как бродить с ружьем по полям и лесам одному вроде и не по сану и как-то неинтересно, то и на охоту снова в Березки съезд. Приезжали люди даже из области. Пальба здесь стояла в такие дни, словно на фронте во время прорыва.

Для подобных охот завел председатель аэросани. Так эти аэросани по всей округе носились, как метеор, и все живое, вплоть до последнего зайца, из Березок как ветром выдуло.

Прошли годы. Уже и Посиделкин в Березках давно забыт, а вот зверь, видать, прошлое помнит: он и сейчас обходит Березки, словно чумное место.

На лето к председателю съезжались разные родственники, а за ними родственники родственников, и далее — друзья и просто знакомые, а следом знакомые тех знакомых.

От разных зонтов и халатов, пижам и панамок здесь рябило до боли в глазах. На речке было тесней, чем на пляже в июле в Сочи.

И снова страдали гуси, снова страдали куры...

А в остальном жизнь в Березках текла мерно. Председатель ждал окончания ссылки. Колхозники ждали окончания председательского срока.

Короче, великое ждание было главным сейчас в Березках.

НОЗДРЯ В НОЗДРЮ

Рядом с Березками находился колхоз «Дубки».

Жили соседи мирно. Соревновались между собой в труде и приходили часто на помощь друг другу.

В соревнованиях между колхозами то уходили вперед Дубки, то вырывались вперед Березки. Но в итоге была только общая польза.

И вот председателем в Березках стал Рысаков.

В Дубках в те же годы председателем был Галопов.

Между ними тоже возникла борьба за первенство. Рысаков никак не хотел отстать от Галопова. Ну, а Галопов, конечно, от Рысакова. А так как Дубки в то время по всем показателям шли впереди, то Рысаков и бросил свой знаменитый лозунг: «Ноздря в ноздю!»

То есть чтобы во всем ни на шаг от Дубков, во всем на едином, на одинаковом уровне.

Скажем, отстанут Березки чуть по пахоте — Рысаков тут же снимает всех со всех остальных работ, все дружно идут на пахоту. Смотришь — догнали они Дубки. То же самое повторялось в дни прополки, в дни сенокоса и других колхозных работ.

Правда, в Березках в такое время творилось нечто невероятное. Коровы мычали, оставаясь недоенными, свиньи визжали, будучи не кормленными. Петухи диким криком голосили от жажды.

Зато шли председатели, как кони в одной упряжке. Никто не вырывался из них вперед.

Короче, ноздря в ноздю.

Тогда, решив обойти все же Рысакова, Галопов стал завышать обязательства. Рысаков не остался в долгу. А так как взять обязательства проще, а выполнить их сложнее, то у председателей начались трудности.

Выход нашел Галопов. Завышение было как раз по маслу. Чтобы выполнить обязательства, Галопов стал покупать масло в других колхозах и даже в других районах. Мало того: отправлял людей в город, и те в городских магазинах скупали для колхоза масло. И его же потом государству сдавали.

Чтобы не отстать от Галопова, Рысакову пришлось повторить то же самое.

Выполнили председатели свои обязательства. Вздохнули свободно. Никто не остался из них позади.

В общем, снова ноздря в ноздю.

С хлебом было намного сложнее. Тут выход нашел Рысаков. Подчистил он накладные. Подправил, подставил цифры. И сдал как отчет в район.

И Галопов подчистил цифры. И тоже отправил в район отчет.

На отчетах они и попались. Разобрались в районе в тех дутых цифрах. А заодно и во всем остальном. Посадили виновных в тюрьму. Судили. Дали им по суду одинаково, каждому равный срок.

Смеялись тогда в Березках:

— Снова в одной упряжке. Снова ноздря в ноздю!

ПЯТЫЙ

С председателем, по счету от Топтыгина пятым, произошла история драматическая. А точнее сказать — трагедия.

В те годы увлекались составлением различных бумаг. Строчились отчеты, справки, сметы, поправки к сметам, добавления к справкам, и

даже справки по количеству посланных справок, и даже отчеты по количеству сделанных смет и отчетов.

В район посылались донесения по любому в колхозе шагу, любому успеху, любому вздоху и даже выдоху. В тех местах, где стояли Березки, составление справок затмило все. Колхозы даже вели между собой борьбу за первенство в этом деле. Лучшие из них награждались.

И пятый не видел других для себя задач, как вовремя, подробно и четко ответить на любой приходящий в колхоз запрос.

Иными словами: председателем стал он отчетным, бумажным. Не председатель, а писарь, каллиграфист. Выводил он буквы и цифры действительно здорово.

Весна. Природа кругом в цветении. Журчат ручейки у Березок на тысячи разных тонов. Дуют весенние теплые ветры. А небо такое синее, такое уж синее, словно на его обновление потрачена вся на земле лазурь. Самое время думать о севе. Некогда думать пятому.

Пятый сидит пишет свои отчеты.

Осень. Идет она по лесу, по полю. Длиннее ночи, короче дни. Самое время о том подумать, где разместить, как урожай сохранить, какими путями колхозный доход умножить. Некогда думать пятому.

Пятый сидит пишет свои отчеты.

То же самое с ним зимой.

И даже летом, в самую страдную пору, некогда пятому выйти в поле.

Пятый пишет свои отчеты.

Из-за этих круглогодичных отчетов даже в отпуск бедняга поехать не может. По-человечески даже не спит.

Бумаги, бумаги, бумаги... Сотни, тысячи, десятки тысяч одних бумаг. Номера входящие, номера исходящие. Папки с ответами, папки с запросами. Бумажное море. Папочный океан.

И вот однажды глубокой ночью, сидя в правлении, строчил пятый какой-то сверхсрочный, сверхважный отчет. И вдруг рухнул на пятого шкаф с бумагами. Придавил он каллиграфиста. И в самый разгар работы. Правда, медицина у нас сильна, отходили врачи несчастного. Однако от этих производственных травм стал человек калекой.

Вышел пятый на пенсию, а было ему от роду тридцать всего годов.

ЗНАМЕНИТОСТЬ

— Кто у вас знаменитость? — Это было первое, что услышали в Березках от нового своего председателя Виталия Разумневича. — Знаменитость, и так, чтобы не ниже областного масштаба? Разумеется, за труд, — вносил важное уточнение председатель.

Таких знаменитостей в Березках пока что не было. Правда, дед Опенкин был известен на весь район — так это своей болтливостью. Да вот Глафира Носикова — ее дважды задерживала за спекуляцию районная милиция. Но это совсем не та знаменитость и вовсе не тот масштаб.

А вот так, чтобы на область, на всю страну, за работу, за труд, — таких знаменитостей не было. Были они до Великой Отечественной войны. Но мало ли что когда было.

— Значит, нет, — переспрашивал председатель. — Вот отсюда и ваши беды. Нужна знаменитость!

Стал председатель подбирать кандидата на ту знаменитость. Ходил и почему-то прежде всего в лица вглядывался.

Наконец остановился на Наталье Быстровой.

— Молода — это хорошо, — говорил председатель. — Молодежь выдвигать надо. Потом фамилия у нее не то чтобы Кобылова или Немцова, а благозвучная. Это тоже немаловажно. И имя хорошее — Наталья, Наташа... Наташа Быстрова. — Председатель расплывался в улыбке. — Почти Наташа Ростова, как в романе «Война и мир». А главное, — объяснял председатель, — лицо у Быстровой фотогеничное.

Что это значит, мало кто понял. Но сельский всезнайка Федор Кукушкин тут же всем объяснил:

— Это значит, на фотографиях и в кинохронике хорошо получается.

Председатель смотрел вперед.

И вот стали делать из Натальи масштабную знаменитость. Определили ее в доярки. Ставку сделали на удой.

Корова Василиса оказалась податливой. И дело пошло. Правда, для той Василисы Прекрасной был построен отдельный коровник и кормили ее по санаторным нормам питания и даже выше; конечно, за счет всяких прочих других буренок.

Колхозный зоотехник из-за этой коровы перешел чуть ли не на казарменное положение. За все лето из Березок ни шаг ногой. Да разве только один зоотехник! В колхозе, как на судне во время шторма, был объявлен общий аврал. Все крутилось теперь вокруг Василисы и Натальи Быстровой, словно вместе они составляли солнце.

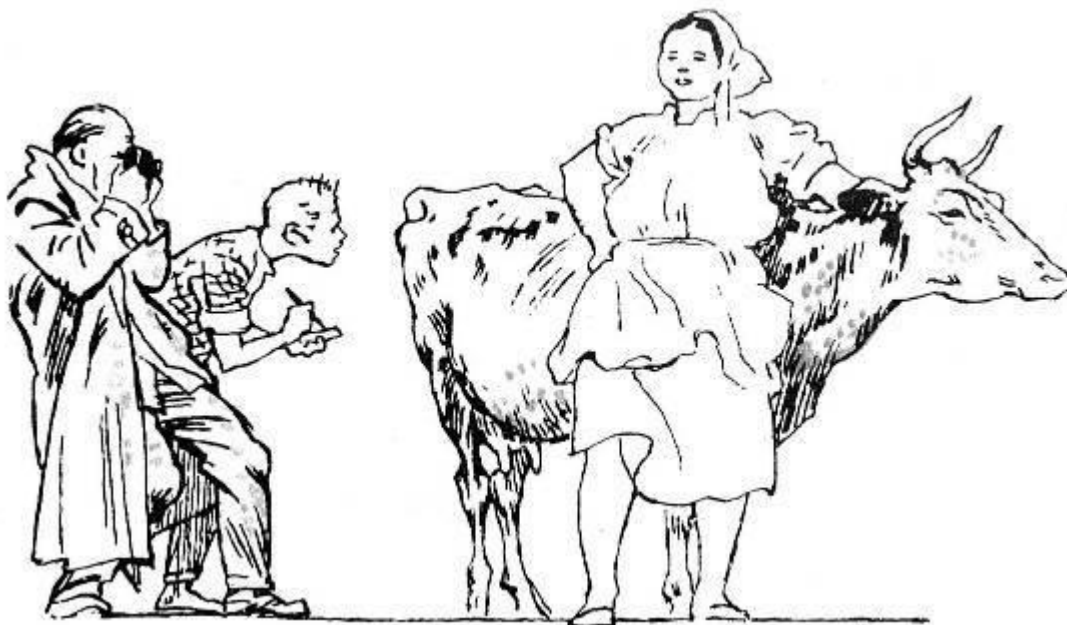
Знаменитость делали скопом. Надои стали расти.

Вскоре в известность об успехах Натальи Быстровой был поставлен район. Приехал первый корреспондент. Взял интервью. Потом слух достиг области. И опять приезжал газетный работник, а вместе с ним и фотограф. В газете появился Наташин портрет.

Лицо у нее и в действительности оказалось фотогеничным.

Председатель потирал руки. Впрочем, и все радовались восходящей славе колхоза.

Приметил Наташу столичный журнал. Поместил разворот, на котором был уже не один портрет Быстровой, а сразу несколько: «Наташа дома», «Наташа делает физзарядку», «Наташа за книгой» (вот же шельмец фотограф — Наташка вообще ничего не читает!), «Наташа и ее рекордистка» (это Быстрова вместе с коровой).

Пробудь Разумневич в колхозе дольше, наверное, и другие стали бы знаменитостями. Но через Натальину знаменитость он и сам вошел в знаменитость. Забрали его из колхоза.

Председатель пошел на повышение.

ДРОВОКОЛОВ

Дровоколов явился в Березки с идеей развести в этом неюжном краю баклажаны.

Он довольно ловко обосновал, какое это будет от тех пока никому здесь не известных растений великое счастье для всех в Березках.

Выходило со слов председателя, что эти самые баклажаны в жизни колхоза чуть ли не решат главное дело.

Правда, старики покачивали головами:

— Да как их сеять?

— Как же ходить за ними?

— Может, земли наши к тому не очень...

— Научимся, научимся, — говорил Дровоколов. — Литературу освоим. Это же продвижение южных культур на север.

И тут же, к слову, вспоминал о великом садоводе Мичурине.

Дровоколов вообще любил увлекать идеями. По любому поводу говорил:

— Давайте заглянем в завтрашний день.

Рисовал картины заманчивее одна другой. То со строительством многоэтажных домов в Березках. То с газификацией всего района. И даже говорил о возведении в Березках собственной телестудии.

За время правления Дровоколова колхозники раз тридцать, не меньше, смотрели в завтрашний день и так привыкли к обещанным асфальтовым мостовым, газовым кухням и прочим чудесам XX века, что вдруг в один прекрасный день их родные, их дорогие, столь любимые ими Березки показались им черт знает чем. Даже стали стыдиться своих Березок.

Зато с баклажанами дело сдвинулось. Пошли на убыль в Березках земли под рожь и лен. Стали пахать под баклажаны.

Кто его знает, возможно, они и принесли бы обещанное счастье Березкам, но здесь все остановилось. То ли в области, то ли выше нашлись люди, которые задержали этот проект.

Вернулись колхозники снова ко ржи и ко льну. И очень были этому рады.

С наименьшей радостью была встречена в Березках весть и о том, что забирают от них и самого Дровоколова. Потому что чем больше колхозники заглядывали с новым председателем в завтрашний день, тем больше на самом деле возвращались в день прошлый, вчерашний.

С отъездом Дровоколова как-то стало вдруг все на свои места. И опять родные Березки кажутся всем лучшей землей на свете. Да так оно и есть и на самом деле.

КОРЕННОЙ

Рыгор Кузьмич Губанов до приезда в Березки на пост председателя был в областном городе директором ипподрома.

Коней он любил, толк в них понимал. Но случилась в городе у него какая-то неприятность — вот и перевели с ипподрома Рыгора Кузьмича в колхоз. Скорее всего, просто по конской аналогии, так как в самом сельском хозяйстве Губанов абсолютно ничего не понимал — путал репу с укропом.

Работа на ипподроме не прошла для Рыгора Кузьмича бесследно. С его появлением в Березках пошли здесь лошадиные клички и термины. О колхозных планах Рыгор Кузьмич говорил: «оседлаем», о срочных делах: «пустим аллюром», о необходимости что-нибудь приобрести: «заарканим».

Именами и фамилиями новый председатель колхозников не называл, а всех окрестил по-своему. Вот и появились в Березках вместо Григория Сорокина — Пират, вместо Сыроежкиной Анисьи — Гортензия, вместо Степана Козлова — Маркиз. На других он не тратил и этого.

Сельских подростков обобщенно звал «лошаки».

Деда Опенкина — «сивый мерин».

Тетку Марью — и того хлеще.

Не обошел и себя.

— Я у вас коренной, — говорил председатель.

Начинал собрания так:

— Поскольку табун собрался, разрешите открыть собрание.

Если Рыгор Кузьмич хотел кого-нибудь похвалить, говорил:

— Этот — конь с гривой.

Если ругнуть... Простите, но это не поддается печатному слову.

Обижались вначале колхозники, потом многие по привычке. Откликались и на Пирата, и на Гортензию, и на более худшее. И лишь один бригадир Червонцев, хотя ему-то чего обижаться — он как раз ходил в тех, которые «конь с гривой», — говорил:

— Рыгор Кузьмич, осторожнее. Это не те приемы. Не те манеры.
И прямо в открытую, прямо в глаза председателю.

Что было нового и хорошего при ипподромном председателе, так это то, что увеличилось в Березках конское поголовье. Даже появился племенной жеребец Султан. Правда, заплатили за него огромные деньги.

В другом колхоз не изменился. Стоял на месте. Ни вперед, ни назад не двинулся.

Недолго пробыл в Березках Рыгор Кузьмич. Говорят, к его уходу был причастен Червонцев. Возможно, это и так.

Забрали Рыгора Кузьмича по-тихому. Без повышения, без понижения. Просто — в соседний колхоз.

«ВАТЕРЛОО»

Из всех председателей временных самым временным оказался в Березках Николай Семенович Лапоногов. Процарствовал Николай

Семенович в колхозе, как Наполеон при втором восшествии на престол, ровно сто дней.

Лапоногова в Березках знали еще до прихода к ним в село. Был он до этого председателем колхоза «Передовой». Колхоз развалил.

Его бы вообще подальше от дел колхозных. Но в районе почему-то решили Лапоногова поддержать. Нет бы сменить начальство — решили сменить колхоз. Вот и рекомендовали его в Березки.

Как известно, председателя избирают на общем колхозном собрании. Так было и тут.

Однако, несмотря на рекомендацию к ним Лапоногова, в Березках решили за нового председателя не голосовать.

Даже дед Опенкин как бы от имени всех заявил:

— Не допустим!

И действительно, не допустили. Провалили его на собрании.

После голосования бригадир Червонцев сказал:

— Ватерлоо.

Сельский всезнайка Федор Кукушкин тут же всем объяснил, что Ватерлоо — это название маленькой деревушки в Бельгии, возле которой в 1815 году был разбит французский император Наполеон.

Узнали в районе — а люди там были жалостливые, — что их кандидат не избран, забили тревогу, нашли какой-то недостаток в проведении собрания, короче, придрались и предложили колхозникам переголосовать.

На новое собрание приехал из района специальный представитель.

Представитель говорил горячо. Находил в Лапоногове массу достоинств. Народ заколебался. Прежней общей решительности уже не было. Голоса распались, и надо же: как раз на две равные половины.

Представитель забегал тревожно глазами по залу, стараясь найти хоть еще одного, кто поднял бы руку «за».

Тут и попался ему Опенкин.

Представитель сразу пошел в атаку:

— А что же вы, товарищ дед, «против»? Что вы имеете против товарища Лапоногова?

Понимает Опенкин, что вопрос обращен именно к нему, а главное, сидит дед так, что ни за чью другую спину не спрячешься.

Решил старик прибегнуть к хитрости.

— Да я что... Я ничего... Рука у меня болит, — нашелся старик и тут же показал на свою правую руку.

— А вы левой, товарищ дед, левой, — наседал гость из района.

Так и не отбился Опенкин. Короче, поднял он руку, и Лапоногов стал председателем.

— Вот тебе и твое Ватерлоо, — говорили колхозники после собрания бригадиру Червонцеву.

— И все же Ватерлоо, — отвечал Червонцев. — Это еще не точка.

Набросились односельчане и на деда Опенкина.

— А я же левой, — оправдывался дед. — А левой — она как бы не в счет, не по закону.

Прав оказался Червонцев. Все же в районе потом осознали свою ошибку. Выборы определили недействительными. А представитель района был даже строго наказан.

Пробыл Лапоногов в Березках ровно сто дней. Вот и получилось, как в ту далекую эпоху. Разница только в том, что Наполеон был разбит у бельгийской деревушки Ватерлоо, а Николай Семенович Лапоногов — в русском селе Березки.

Вслед за Лапоноговым и приехал сюда Савельев.

УДАЧНОЕ СЛОВО

— И чего он ходил на кладбище? — мучился дед Опенкин.

Между тем необычное поведение Савельева имело последствия самые неожиданные. Прежде всего — для самого же кладбища. Все как-то невольно, не сговариваясь друг с другом, потянулись к отцовским могилам и навели наконец там порядок.

Имел этот визит прямое отношение и к деду Опенкину, и тоже опять непредвиденное. Поколебался непререкаемый дедов авторитет.

Сутки поразмыслив над тем, что же сказать народу, старик, как в девяти предшествовавших случаях, решил действовать наверняка:

— Этот тоже, считайте, временный. — И тут же добавил: — Недолговечный.

Но почему-то на этот раз слова деда были приняты всеми как-то холодно. А тетка Марья, человек мудрый и праведный, даже сказала:

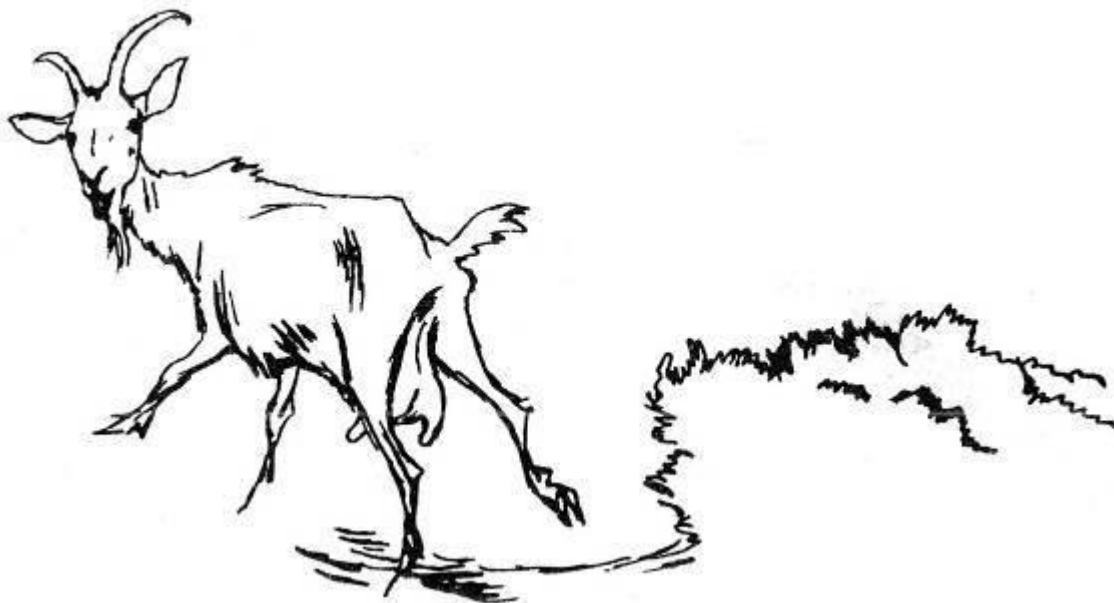
— Тебе бы, старый, лишь каркать.

На что, конечно, дед тут же при всех обиделся и обозвал тетку Марью, как тот, ипподромный, недобрым словом. Но старику простили такую вольность. И даже тетка Марья сама рассмеялась, ибо вид у деда был не более чем петушиный и все знали занозистый нрав Опенкина.

Но это лишь еще больше старика распалило.

— Временный он! — кричал дед Опенкин. — Не сойти с места — временный!

Домой дед Опенкин вернулся злым, хватанул хворостиной козу. Однако, еще раз подумав, дед пришел к выводу, что, судя по настроению односельчан, вряд ли своим ответом попал он в точку.

— Ошибся я, — говорил на следующий день Опенкин. — Этот приехал сюда, мужики, серьезно.

На следующий день на общем колхозном собрании состоялись выборы нового председателя.

Речь Савельева была краткой, и это понравилось. «Не балабол, — зашептались в рядах. — Видать, понимает, что языком землю не вспашешь».

Дед Опенкин окончательно понял, что нужно срочно менять свой вывод.

— Ошибся я, — заявил он тут же после собрания. — Этот приехал сюда, мужики, серьезно. Этот приехал навечно. На том бугре и ему лежать. Вот почему он туда ходил.

Не избежать бы старику за столь резкий поворот в своих предсказаниях едких насмешек, но деда спасло то, что бросил он слово «навечно».

Пришлось по душе это слово колхозникам. Всем очень хотелось, чтобы все было именно так. Устали люди от председателей временных.

Глава вторая

ОБМОЛОТ

ДЕД ОПЕНКИН

Поселился Савельев у деда Опенкина.

О деде Опенкине в Березках сложили частушку:

Дед Опенкин, дед Опенкин,

Ноги тонки, губы звонки.

Губы звонки, ноги тонки -

Вот и весь тут дед Опенкин.

«Губы звонки» — деду нравилось. В отношении ног он спорил.

Но больше всего старик негодовал по поводу того, что губы и ноги — это и есть якобы «весь» Опенкин.

— А руки? А голова? А туловище? — кричал дед и приводил вещественные доказательства.

Деду Опенкину сто лет. При вопросе о возрасте он так и говорит:

— Сто лет. — И уточняет: — Когда давали крестьянам волю, еще при царе Александре Втором, вот как раз в тот год я и родился.

Но это неправда. На самом деле деду не более семидесяти. Все это знают. Однако с дедом никто не спорит. Спорить с ним трудно и бесполезно.

Других стариков Опенкин называет либо юношами, либо сынками. Он даже деда Празуменщикова — а Празуменщикову все девяносто — тоже иначе не зовет: сынок да сынок, хотя тот, конечно, и обижается. И тогда возникает спор.

Дед Празуменщиков вспоминает бои под Мукденом и Порт-Артуром (он был участником русско-японской войны) и доказывает, что в ту пору, когда он, Празуменщиков, был уже настоящим солдатом, нынешний дед Опенкин всего лишь козу безрогую Маньку пас.

— Хви! — выкрикивает какое-то кенгуриное слово Опенкин и тут же идет в атаку: — А где ты был? А? Где был, когда я с генералом Скобелевым брал для болгарина Шипку. А? Где? Да ты соску и палец путал.

Вокруг стариков собираются люди.

Все знают, что и про Шипку, и про генерала Скобелева дед где-то вычитал (война с Турцией была еще до рождения деда). Но старик говорит столь убежденно и с такими деталями:

мол, генерал Скобелев ездил на белом коне, а у турок были кривые сабли, что его и интересно послушать, и любой в эту выдумку согласен поверить.

Симпатии собравшихся явно на его стороне.

Празуменщиков идет на крайнее. И вспоминает, как ровно шестьдесят лет тому назад он, уже человек в те годы семейный и детский, порол мальчишку Лукашку Опенкина за покражу антоновских яблок. И было это при всех, и все это видели.

— Хви! — опять выкрикивает дед Опенкин и проявляет исключительную находчивость: — Ты видел?... Ты видел?... Ты видел? — обращается он поочередно к слушателям. А так как свидетелей тех давно уже нет в живых, то раздается лишь смех. Старик использует момент и тут же наносит новый удар Празуменщикову: — Хви! Все оно было наоборот. И вовсе порол я тебя — не за яблоки, а за груши. И было тебе как раз восемь, а мне восемнадцать годов.

И тут же снова приводит подробности: происходило это как раз на том месте, где нынче стоит сельсовет, и Никишка Празуменщиков выл на всю улицу.

Опять раздается смех. Посрамленный дед Празуменщиков отправляется к тетке Марье и там изливает свои обиды.

Свое старшинство над другими Опенкин доказывает также бородой.

Борода у него в Березках действительно самая длинная.

В общем, среди всех березовских стариков и дедов Лука Гаврилович Опенкин прочно пробился на первое место.

Биография у деда небезынтересная и даже в чем-то лихая.

До революции он был дважды сечен местным помещиком. Рубцы и сейчас сохранились. Как-то на уроке истории учитель демонстрировал Опенкина как экспонат. Старик стягивал в классе рубаху, и дети внимательно рубцы изучали. Учитель водил по спине деда указкой, как по географической карте, и говорил:

— Вот вам, дети, живая история. История, которая никогда не вернется.

Дед Опенкин после этого очень гордился, что он «живая история», и любому об этом хвастал.

В годы первой мировой войны Опенкин был на фронте, и если угодил в плен к германцам, так только потому, что как-то польстился на кобылу убитого немецкого офицера, и эта — будь она проклята! — кобыла унесла солдата в немецкие расположения.

Вернувшись из плена, Опенкин был одним из тех, кто устанавливал в Березках Советскую власть. И даже был прозван Комиссаром. За что конкретно — толком сейчас никто уже и не помнит. Дед Празуменщиков говорит, что просто так, в шутку. Но Празуменщикову тут полностью доверять нельзя. Ибо он — лицо заинтересованное и готов всячески подрывать авторитет деда Опенкина. Празуменщиков сам норовит в первые сельские деды.

Зато и это бесспорно: Опенкин отличился во время Великой Отечественной войны. Тут он свел старый счет с немцами и по сути дела повторил подвиг Ивана Сусанина, заведя гитлеровский отряд в страшные трясины. И если сам старик тогда уцелел и от топей и от расстрела, так только потому, что он от природы вообще везучий: как раз вовремя подошла советская рота и перебила фашистов, а ее командир, молодой лейтенант, полуживого Опенкина еле из топей вытащил.

Под Березками в те годы вообще разгорелись большие бои.

Еще во времена своего комиссарства дед собирался вступить в партию. Но что-то тогда помешало. Однако Комиссаром деда по-прежнему называют. Тут Опенкин не против. Это даже повышает его вес.

ТРУДОДЕНЬ

Трудодень

^[1] в Березках — с ноготь, то есть очень-очень мал. Можно — хуже, трудно — хуже. Слезы, в общем, трудодень.

Дед Опенкин стоял у стола и бережно выгребал из кармана зерно. Оно выросло на столе маленькой золотистой горкой. Затем старик вывернул карман и вместе с махорочной трухой высыпал последние зерна. Отделил труху, смел на пол. Зерна придвинул к общей горке. Полюбовался. Потом взял одно зерно, попробовал на зуб, разжевал. Остался доволен. Образовавшийся мякиш перенес на палец, растер, посмотрел на него. И опять остался доволен.

В это время вошел Савельев.

Дед вздрогнул, хотел прикрыть золотистую горку, но было поздно.

Председатель нахмурился:

— Оттуда?

Дед молчал.

— Оттуда?! — повторил Савельев и показал в сторону колхозного тока.

Старик молчал.

— Эх, Комиссар, Комиссар... — Степан Петрович укоризненно качнул головой.

Это, видимо, деда заело.

— А что? Кабы я один.

Теперь Савельев ничего не ответил.

— Кабы я один... — более смело произнес старик. — Да я же... Кабы я, как Гришка Сорокин, мешком...

Савельев молчал.

— Это шофера — так тем легче и те машинами.

Старик, до этого не поднимавший глаз на Савельева, теперь вскинул голову: мол, как председатель прореагирует?

Савельев молчал.

— Хви! — выкрикнул дед. — А ты думаешь, члены правления не берут! — И сразу же тише: — Да оно же свое, своими руками... — и почему-то протянул в сторону председателя палец с мазком хлебного мякиша.

— Эх, Комиссар, Комиссар... — опять повторил Савельев. — Вот что, Лука Гаврилыч, уйду от тебя. Не могу под одной крышей. Не хочу.

Опенкин опять произнес свое «хви», но не криком, а тихо, словно бы про себя.

— Ну что же, Степан Петрович, не мил — не держу. Только куда же ты, дорогой человек, пойдешь? А? — В голосе деда появилась усмешка. — Любопытно мне знать ту адресу, где ты нашел там того ангела? Где они, ангелы те, живут? Хви! — опять выкрикнул дед.

СЛУЧАЙ С СОРОКИНЫМ

От деда Опенкина Савельев не ушел. Вгорячах сказал, что уйдет, но потом передумал.

Вообще дни были какие-то неловкие и для председателя, и для деда Опенкина.

Старик понимал, что сказал лишку. Еще неизвестно, как председатель на все эти дела в Березках посмотрит и как поступит. На

худом повороте, даже за тот несчастный карман с зерном дело может тюрьмой запахнуть. Не говоря уже о Гришке Сорокине. А потом, дед краски все же изрядно сгустил. Воровство есть, тут и слепой увидит, но так, чтобы тянули все, да еще машинами, — это, конечно, край. Это с большим перехватом. Вот тетка Марья — так та ведь с голоду помрет, трупом ляжет, а колхозного ни-ни, хоть бей, хоть режь, хоть жги ее на костре. Или бригадир Червонцев — так тот даже при председателе, который был ссыльным, а затем при Дровоколове, когда казалось, хватай что можешь — идем ко дну, и то хотя бы травинку с колхозного поля тронул... Нет, не тронул. И даже других останавливал.

Старик счел нужным еще раз заговорить с председателем.

— Ты, Степан Петрович, конечно, прости, наболтал я тебе с излишком. Но оно же: мал трудодень. Да люди что — по очень большой охоте? Оно же порой не хватает. Вот и берут. Народ вороватым у нас отродясь не бывал. Тут, Степан Петрович, если народ судить, то только не с маху, а с осторожностью.

вернуться

Трудодень — существовавшая долгие годы система оплаты труда колхозника. Сложенные вместе трудовые дни, то есть дни, когда крестьянин работал на колхозном поле, и определяли заработок каждого колхозника. Трудодень оплачивался деньгами, а также продуктами сельскохозяйственного производства (зерно, картофель и т. д.)

Савельев и сам понимал, что трудодень в колхозе, конечно, плевый да и в словах деда о подходе не «с маху» тоже есть доля немалой правды.

— Ты в суд не беги, — советовал дед. — Милицию не затруждай. Может, другие пути найдутся.

Под суд Савельев никого не отдал. Но проучить проучил.

Явившись однажды на ток, председатель приказал насыпать мешок зерна. Взвалив мешок на плечи, Савельев пошел по селу. Мешок тяжелый, нести его было нелегко. Но нес. Нес и каждого встречного спрашивал:

— Где здесь изба Григория Сорокина?

Спрашивал, хотя прекрасно знал, где находится та изба.

Чтобы председатель тащил мешок, да еще на собственном горбу, да еще к какому-то там Сорокину, казалось невероятным. Вокруг Савельева нарастала толпа.

Когда общее любопытство достигло предела, председатель сказал:

— Решил помочь Сорокину. Что же это: он сам все таскает, таскает и никто ему не поможет?

Люди поняли ловкий намек, и каждого этот ответ председателя кольнул, как каленым железом.

Все затаились, ждали, что будет дальше. Каждый видел Сорокина уже за решеткой. Многие и о себе в ту минуту подумали.

Рыжий Лёня, внук деда Опенкина, метнул огородами и предупредил Сорокина об опасном шествии к его дому.

В доме Сорокиных взвыли, и беда казалась неотвратимой.

Но, вдруг не дойдя до сорокинской избы метров сто, председатель неожиданно повернул назад, вернулся на ток и ссыпал зерно в общую кучу. Затем он вытер вспотевшие лоб и шею, продул рубаху, посмотрел на колхозников и сказал:

— Пришлось вернуться. Не нашел я Сорокина. Видать, ошибся. Нет Сорокиных в наших Березках.

И люди все поняли: и то, что ткнул пальцем на Сорокина председатель не зря, и то, что своим ответом («Видать, ошибся. Нет Сорокиных в наших Березках») как бы подчеркивал веру свою в колхозников. А главное, что сам-то Савельев — мужик не из тех, кто ищет дорог полегче.

В тот же вечер Сорокин сам прибежал к Савельеву. Долго мял свою шапку, переминался с ноги на ногу, наконец произнес:

— Прости, Степан Петрович, был грех — не будет.

История с Сорокиным встряхнула весь колхоз. Хотя и после этого были случаи мелких покраж в Березках, но становилось их все меньше и меньше. А потом и вовсе ушли они, как уходит дурной и никчемный сон.

СЫРОЕЖКИНА АНИСЬЯ

Сыроежкина Анисья — вот хозяйка, прямо диво!

Посмотри на огород — чудо-юдо огород! У нее с избою рядом — что плантация в Крыму. Слово ты и не в Березках, а попал на ВДНХ, то есть выставку успехов и народных достижений. У нее такой порядок, словно тут не огород, а какой-то центр науки. У нее такие грядки и такая чистота, что по этим самым грядкам без крахмального халата даже совестно пройти.

Сыроежкина Анисья — вот хозяйка, прямо диво!

Лук — метровый, а картошка — это прямо загляденье! Ты смотрел бы, а не ел. Тыквы здесь, как поросята, огурцы — гребни лопатой. А петрушка, а морковка — всё сплошные чудеса. В этом редком изобилие ты утонешь, как в пруду. Водолазы не разыщут, эхолоты не найдут.

У Анисьи все в избытке — не хватает одного:

— Тут — мое! — кричит Анисья. — Там — колхозное добро.

...Чудо-огород Анисьи Сыроежкиной Савельев заметил еще в первые дни своего появления в Березках. А как-то встретив ее на улице, остановил:

— Здравствуйте, Анисья Ивановна!

Анисья расплылась в улыбке, так как по имени и отчеству давно никто в Березках ее не величал. Зовут обычно Аниськой или сокращенно по фамилии: Сыроежа. Дед же Опенкин не называет ее иначе, как «злостный элемент». И все твердит, что Аниську надо прогнать из Березок, чтобы она «не отравляла здесь своим огородом воздух», и отправить на Соловки, то есть туда, куда кулаков когда-то ссылали.

Встретил Савельев Сыроежкину, поздоровался и говорит:

— Ну, Анисья Ивановна, ждите в гости. Скоро буду.

Вот тут-то и екнуло у Сыроежкиной сердце: неспроста собирается к ней председатель. То ли часть огорода урежет, то ли ругать за плохую работу в колхозе будет.

— Расчехвость ты ее, расчехвость, — говорил дед Опенкин, узнав о предполагаемом посещении председателем Анисьи.

Через несколько дней Савельев пришел к Сыроежкиной. Осмотрел огород председатель, глянул на Сыроежкину, проговорил:

— Мастерца вы, Анисья Ивановна, по огородному делу. Золотые руки у вас, видать.

Растерялась Анисья. Не знает, что делать: то ли улыбаться на такой комплимент, то ли повременить и ждать за ласковыми словами подвоха...

— Золотые руки, — повторил Савельев. — Открывайте школу, Анисья Ивановна. Первым приду учиться.

Смотрит Анисья на Степана Петровича: «Шутки, что ли, Савельев шутит».

Нет, не шутил Савельев.

Стал председатель у Анисьи учиться. А следом за собой привел колхозных девчат и тех заставил тоже учиться. А потом приводил кое-кого и из членов правления. Даже деда Опенкина однажды с собой пригласил. Но дед наотрез отказался.

— Не туда гнешь, председатель, — выговаривал он Савельеву. — Возиться с этой кулачкой — где ж тут глубокий смысл?

Однако Степан Петрович упорно «гнул».

Ходил председатель по огороду и все приговаривал:

— Да, великая вы мастерица, Анисья Ивановна. Млела Анисья от подобных похвал.

Однажды Савельев бросил:

— Эх, не те, не те для вас тут масштабы, — показав, конечно, на ее огород.

В другой раз сказал:

— Да, Анисья Ивановна, вам бы в Березках первым героем быть.

Дважды приглашал Степан Петрович Сыроежкину в поездки с ним по колхозным полям, советовался с ней, словно с профессором, о тех участках колхозной земли, которые лучше всего бы подошли для культур огородных.

Прошел месяц, и вдруг предложил председатель создать в колхозе огородную бригаду и утвердить Анисью ее бригадиром.

— Вы, Анисья Ивановна, — говорил Савельев не без улыбки, — и кадры сами себе уже подготовили, и сами участки выбрали. Вы и есть наилучшая кандидатура.

И никто — ни сама Анисья, ни члены правления, ни даже дед Опенкин — не мог против этого ничего возразить.

— Ловко подвел, ловко! — выкрикивал дед Опенкин.

Стала Сыроежкина теперь бригадиром и слово в душе дала, что ее огородное диво — это еще не диво. Настоящее чудо у них впереди — на колхозном поле в ее бригаде.

Землю Анисья любит, и этому можно верить.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Лодырей в Березках, если считать — собьешься. Хватало их и по мужской, и по женской линии. Были такие, что целыми сутками семечки только лузгали, на печи от зари до зари лежали.

— Работа — не волк, — говорили они, — в лес не убежит. Поле — не лошадь с телегой, тоже далеко не уедет.

Самыми отъявленными байбаками во всех Березках были Филимон Дудочкин и Степан Козлов, тот, что когда-то, при председателе ипподромном, ходил в Маркизах.

— Да, придется кое с кем провести индивидуальные беседы, — заявил председатель, — поговорить по душам, с глазу на глаз, разъяснить кое-что им получше.

Лодыри пронюхали о предстоящих беседах.

— Хорошо, что с глазу на глаз, — говорил Филимон Дудочкин, — а то, если председатель начнет стыдить при всех, сраму не оберешься.

На одном из общих колхозных собраний Савельев, взяв слово, обратился к сидящим в зале:

— Филимон Дудочкин здесь?

— Здесь, — отозвался Дудочкин.

— Так вот, Филимон Дудочкин, есть у меня к вам разговор. Индивидуальный, — подчеркнул председатель. — С глазу на глаз. Поэтому другие, — Савельев вновь повернулся к залу, — могут наш разговор не слушать и даже идти по домам.

Но, как только председатель сказал, что разговор индивидуальный, с глазу на глаз, никто из сидящих не хотел идти по домам и все наострили уши.

Не испытывая терпения прочих, Савельев тут же, при всех, отхлестал ленивца. Церемониться с ним не стал. Задавал вопросы ехидные: может, руки у Филимона из глины? Нет ли у Дудочкина волдырей на боках от лежания? А если есть, пусть, не стесняясь, скажет.

— Не стесняйтесь, товарищ Дудочкин. Тут ведь медпомощь, наверно, нужна? Лекарства от тех пузырей на теле?

И обещал от колхоза посильную помощь. Конечно, под страшный хохот всего собрания.

Короче, на этой индивидуальной беседе крутился Дудочкин, как карась на сковороде. И то, пожалуй, карасю было легче.

Это смерть, говорят, красна на народе. Позор же на народе вовсе не красен.

После собрания Дудочкин подошел к председателю с явной обидой. Какая же это беседа с глазу на глаз, когда все люди в три уха слушали? А потом он ссылаясь на Степана Козлова. Почему, мол, не Степана Козлова, а его, Дудочкина, первым взяли в столь лихой оборот? А ведь всем известно, что именно он, Козлов, а вовсе не Дудочкин самый великий в Березках лодырь.

На первое недоумение Савельев ответил так:

— А что? Разговор велся с глазу на глаз. Как и было обещано. С одной стороны — Дудочкин, — говорил председатель, — с другой стороны — колхоз. Вот и выходит, два собеседника.

В отношении Степана Козлова председатель сказал:

— Ну что же: вызовем на беседу и Степана Козлова. Однако как раз Козлова не пришлось вызывать. Учел он горький опыт Филимона Дудочкина и сделал из этого должный вывод.

А вообще-то Савельев еще на пяти собраниях проводил индивидуальные разговоры. С шестого нужда в разговорах пропала.

ТЕТЯ ГРИША И ДРУГИЕ

Жил в Березках дядя Гриша, был женат на тете Лизе.

Однако сложилось так, что называли дядю Гришу не дядей, а тетей. И вот почему.

Тетя Лиза — бригадир в полеводческой бригаде. Дядя Гриша — по учету. Ходит он с большим блокнотом. Цифры разные выводит. Карандаш у дяди Гриши — самый важный инвентарь. В общем, этот дядя Гриша при жене и при бригаде вроде как бы секретарь.

Тетя Лиза как мужчина: «да» так «да», а «нет» так «нет». У нее в большой бригаде, посчитайте, как в полку, — все расписано заранее: по минутам, по часам.

Тетя Лиза — бригадир. Тетя Лиза — командир.

Ну, а как же дядя Гриша? Дядя Гриша — по учету. Цифры ставь — вот вся работа. В общем, женская работа. Ни заботы, ни труда.

...Если вы думаете, что дядя Гриша был человеком хилым или больным, то это вовсе не так. На спор дядя Гриша мог поднять лошадь. Подлезет под нее, поднатужится и оторвет от земли. Оторвет, а для большей убедительности еще и пронесет несколько шагов на себе. Ипподромный председатель Рыгор Кузьмич Губанов из-за этого с особым уважением относился к дяде Грише.

Так что прозвали в Березках дядю Гришу Тетей совсем не за слабую силу, а как раз за то, что, обладая сложением богатырским, выполнял он работу женскую.

Дядя Гриша в Березках далеко не один. Уж как-то сложилось в этих Березках, трудно сказать почему, но пристроились здесь мужчины на легкие разные службы: бухгалтер, кассир, счетовод, учетчик, еще раз учетчик, третий учетчик, четвертый, пятый, сторож ночной, сторож дневной и все такое же прочее разное. Есть такие, как и дядя Гриша: им бы за место трактора плуг за собой таскать, и все же тоже лезут в учетчики.

А главное, мужчин в Березках совсем немного.

И вот Савельев решил провести мужское собрание.

Посыльная при правлении Нютка Сказкина все избы как вихрь обежала и всем многозначительно объяснила, что собрание только для них, для мужчин, мол, в виде особого к ним уважения.

Колхозники, те, что мужчины, были, конечно, таким особым вниманием к ним польщены. Сбежались все до единого, словно коты на сало.

Начал Степан Петрович собрание так:

— Здравствуйте, казаки!

Мужчины довольно загудели и ответили дружно, словно солдаты.

— Здравствуйте, богатыри! — продолжил Савельев.

И снова ответ богатырский.

— Здравствуйте, генералы и адмиралы!

Тут уж кое-кто почувствовал скрытый недобрый смысл. А дед Опенкин даже хихикнул.

— Здравствуйте, колхозные витязи!

И дальше Савельев прочитал им доклад: как пеленки стирать, как лучше резать для шей капусту, чем оттирать чугушки и кастрюли, как более ловко держать хват. Причем говорил без улыбки, на полном серьезе и все величал собравшихся: казаки, богатыри, генералы да адмиралы. Эти «генералы» и «адмиралы» на фоне пеленок, кастрюль и хватов звучали особенно как-то здорово.

Дед Опенкин стал хохотать до ика, ибо к нему это вовсе не относилось. Дед в свои семьдесят лет все еще выходил на полевые работы. Посмеивались и другие. Однако те, к кому это в первую очередь относилось, сидели чернее тучи.

Не выдержал первым старик Празуменщиков. Но почему именно он — непонятно. Старик был уже давно на заслуженном отдыхе, и это относилось к нему еще меньше, чем к деду Опенкину. Видимо, обиделся старый за мужскую всю половину.

Встал Празуменщиков, стукнул палкой об пол:

— Хватит, Степан Петрович, не глупые — поняли.

— Ну раз поняли, значит, хватит, — согласился Савельев. И распустил собрание.

Однако еще большего сраму набрались мужчины на следующий день. С утра у избы, где находилось правление, появился экстренный выпуск стенной газеты (первый за десять последних лет). То-то собралось народу!...

В газете был помещен отчет о прошедшем собрании. А ниже шли карикатуры. Есть в Березках Филька-художник. Так этот Филька так мужиков на женский манер разукрасил, что ядовитее не сделал бы и сам «Крокодил».

Сельские сороки немедля разнесли весть о мужском позоре по всей округе. Березовским мужикам без насмешек нигде не стали давать прохода. Получилось так, что хоть беги из родных Березок на Дальний Восток или на Крайний Север.

Казаками, генералами и адмиралами березовских мужчин еще и сейчас называют в районе. Хотя в этом деле давно уже здесь все изменилось. И теперь, если о них говорить «казаки» или «богатыри», — так это надо только в прямом и хорошем смысле.

ПИСЬМА

— Женихи у нас не валяются. Нет, не валяются, — говорил дед Опенкин.

И это чистая правда. Не мужское — бабье у них село.

Прошла война по мужской его половине, словно коса по полю.

Отгремела война пожарами. Получила свое сполна. Новая поросль пошла в Березках. Не военные ветры дуют. Однако, как войско во время боя, продолжают Березки нести урон. Уходят отсюда парни.

Парень есть парень — военная служба. Ушел из Березок — прощайте Березки. Парня назад не ждут. Нужны ему эти Березки. Любые открыты ему дороги, другие манят его пути.

Сколько жителей этих Березок, молодых и плечистых парней, — на шахтах Донбасса, в цехах Криворожья!

Сколько их на уральских заводах, среди казахстанских степей!

А сила Сибири, сила Востока разве без этих парней из Березок, как в сказке, сейчас растет?

Понимал председатель, что и Сибирь, и Донбасс, целина и Урал — это тоже для всей страны. Там тоже без рук ничего не сделаешь. Но и Березки не ради одних Березок. И на Березках Россия держится. Пусть

малые они в фундаменте. А вынь из основы хоть камушек, и в опоре уже изъян.

Как же ушедших вернуть в село?

— Трудное это дело, — говорили Савельеву. — Ой же и трудное, ой же и сложное!

Степан Петрович это и сам понимал.

— Не интересно у нас в Березках, — объясняли Савельеву, — особенно тем, кто молодежь. — Село есть село, нет городской культуры. Ни театра тебе, ни клуба чтоб клуб, ни улиц мощеных, а дома — развалюхи.

Другие говорили более прямо:

— Рыба где глубже ищет. Мал в Березках у нас трудодень.

И это понятно Савельеву. Правда и в том и в другом.

Но разве повысишь колхозный доход, разве построишь мощеные улицы и вместо прогнивших избенок — дворцы, если некому строить, мостить и доходы множить, если мало в колхозе рабочих рук?

Заколдованный прямо круг. Словно рота вошла в окружение.

Решил председатель прежде всего обратиться к тем, кто находился сейчас на армейской службе. Узнал адреса у родителей — номерные различные почты. Сел за специальные письма.

Писал не от себя, а как бы от всех — от правления и от колхоза.

Горы золота не обещал, писал по-мужски, серьезно. И про заколдованный круг, и про многие те недостатки, которые были и есть в Березках. Однако тут же сообщал и о планах колхоза, говорил о будущем и села, и района. Получилось из этих писем, что именно тот, к которому каждое из них адресовано, и есть великая надежда колхоза, что слава и жизнь Березок зависит лишь от того, вернется ли он домой или тоже в земли другие двинет.

Не очень в Березках верили в эти письма, а все же ответов ждали.

Первым ответ пришел от Никиты Халдеева. Благодарил Никита за честь, за письмо, а что же касалось главного, то написал: мол, с дружками решили давно ехать в Сибирь, друзей подвести не может и все другое в этом же роде.

— Эх, председатель, — шутили в селе над Савельевым, — что им твоя агитация! Да их на аркане в село не затянешь.

Другие еще яснее:

— Да разве человека словами теперь возьмешь? Ты бы тысячу им для начала, тогда бы другое дело.

РАКЕТЧИК

— Степан Петрович! Степан Петрович!

Савельев сидел в правлении, когда вбежала посыльная Нютка Сказкина.

— Приехал! Приехал! — кричала Нютка.

— Да стой ты! Кто же приехал?

«Возможно, опять ревизор, — подумал Савельев. — Или начальство опять из центра». А Нютка снова свое:

— Приехал! Приехал! — и чуть ли сама не пляшет. — Васька приехал! Васька, Шишкин. Натальи Евсеевны сын.

— Шишкин! — Степан Петрович поднялся.

Шишкин — один из тех молодых солдат, к которым были посланы колхозные письма.

Через минуту явился и сам приехавший.

Форма еще солдатская. Ремень. Фуражка. Защитного цвета рубаха. На рубахе медаль «За отвагу».

Взял парень под козырек:

— Шишкин, Василий. Бывший ракетчик. — И держит в руках письмо от колхоза. — Согласно письму, — чеканит солдат, — прибыл, товарищ председатель, в ваше распоряжение.

Глянул на парня Степан Петрович: красавец, орел, богатырь!

— Неужто приехал? — поразился и сам Савельев.

— Так точно, — ответил солдат.

Смотрит на парня Степан Петрович: словно разведчик с Большой земли к ним в окруженную роту прибыл.

Уж сколько шума было в тот день в Березках! Сбились колхозники с ног. Каждый Васю к себе зовет. Всюду ему угощение.

А девки, девки, невесты, красавицы, мчались к калиткам, смотрели в окна, глазели во все глаза.

Шишкин идет, ракетчик. Медаль у него на груди «За отвагу». Если медаль, да чтоб в мирное время, значит, парень вдвойне герой.

Идет по селу ракетчик. Чеканит ракетчик шаг.

ПОПОЛНЕНИЕ

На расспросы колхозников, что же его назад привело, Вася отвечал по-солдатски, коротко:

— Прибыл для прохождения новой службы. Усмехались колхозники:

— Ну, ну, как тебе будет служба...

На вопрос о медали Вася делал таинственный вид:

— За заслуги, но... не для разглашения.

Долго гадали об этой медали. Может, он самолет-разведчик какой державы заморской сбил? А может, в те дни отличился, когда Гагарин поднялся в небо? Или спас кому жизнь во время лютого шторма или землетрясения.

Ракетчик о заслугах своих молчал.

Зато тараторила Нютка. Вообразила девчонка, что Вася летал на Луну.

— У нас бы в газетах о том писали, — сбивали у Нютки и пыл.

Но Нютка была упрямой:

— Он, может, с секретным летал заданием? И срок об этом писать не вышел.

Медаль утверждала в необычном геройстве.

После Васи в Березки приехали и еще трое из демобилизованных солдат. Правда, один из них ненадолго. Присмотрелся, пожался и снова исчез, словно и вовсе сюда не заглядывал.

Однако и двое, а с Васей и трое — это для начала тоже немалый клад.

Воспрянул духом теперь Савельев. Стал наводить справки о тех, кто раньше разъехался по разным, и ближним и дальним местам. И этим отправил письма: мол, приглашаем. Родные Березки и ждут, и надеются.

Учел председатель и то, что не помешает и чем-то конкретным привлечь людей.

Главный вопрос для людей — жилище.

Вот и уговорил Савельев колхозников для возможных в селе новоселов построить пока хотя бы три дома.

Предложение вызвало спор.

— Строить для дяди! Сами с дырявыми крышами.

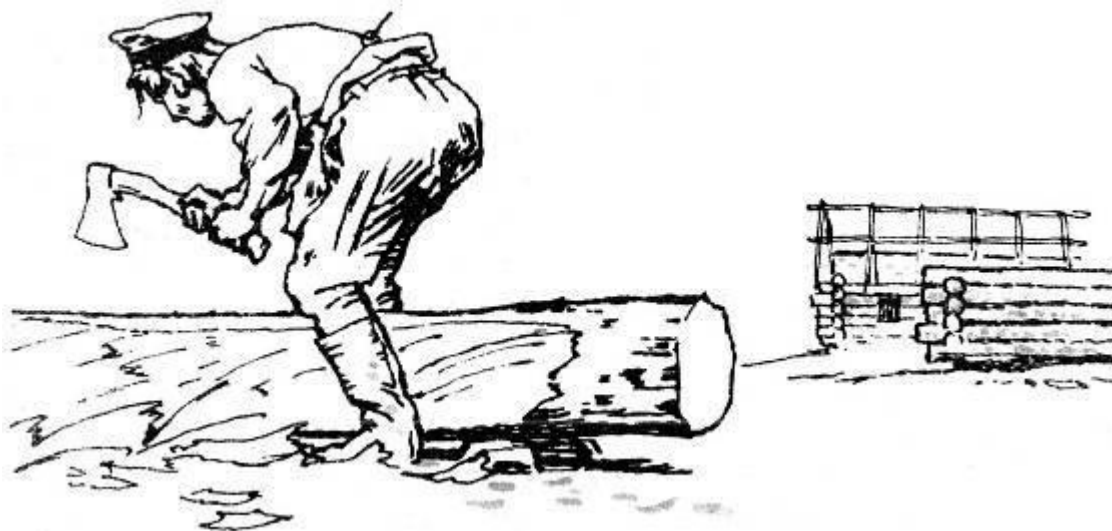
Поспорить поспорили, однако затем уступили. Все понимали важность такого дела. К тому же сам Савельев был неуступчив и крут.

Заложили три дома.

И, представьте, на новые письма Степана Петровича люди опять откликнулись. И даже не трое, а сразу четверо. Пришлось срочно браться за новый дом.

Однако потом, после приезда первых, установили такой порядок: дом получай, вселяйся, но тут же и сам берись за строительство нового — теперь для других, не ты последний в село приехал, ждем и иных пополнений.

Умно получилось. Понемногу, не в раз, не в два, а все же люди в село потянулись.

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

В каждой краюхе хлеба — человеческий труд и пот.

Тысячи разных работ ведутся в колхозе в течение года. Осенняя пахота. Весенняя пахота. Землю рыхлят, боронуют. В бугристых местах ровняют. Вывозят в поля навоз и тонны химических удобрений. Весной стараются снег на полях удержать, чтобы не быстро таял, а постепенно землю водой поил. Но это лишь часть, а не все работы. В колхозах фермы, в колхозах строительство, в колхозах много других хлопот. За севом идет прополка. За прополкой другие идут дела.

Но самое лучшее, самое горячее время в Березках — это когда обмолот.

Обмолот как бы венчает людей усилия.

Когда побежит по лоткам зерно, когда кавказским хребтом насыплется, тут-то и захватит у каждого дух. Вспомнится каждому путь тот нелегкий, которым пахарь любой прошел, те тридцать потов, которыми каждый из них изошел, чтобы этим кавказам выситься.

В дни уборки и в дни обмолота неузнаваемы наши Березки. Гулом комбайнов полнится небо. Минута дороже часа. Час приравняешь к суткам. Сутки здесь кормят год. Тут невольно возьмешь и крикнешь:

— Время, остановись! Солнце, замри на небе!

Конечно, в колхозе есть комбайны. Они и косят и тут же на поле молотят зерно. Но это не тот обмолот. Обмолот настоящий идет на колхозном току. Центр обмолота — сама молотилка. Все внимание ей. Она, как царица, в подобное время.

Уходят бесконечным потоком снопы в молотилку, выходят чистым янтарным зерном, колхозной надеждой, ее богатством.

Первый день обмолота превращался в Березках в колхозный праздник.

Утро. Едва солнце проклюнуло небо. Еще не сбежала с травы роса. Еще деревья сонливо дремлют. А уже калитки в Березках поют на десятки различных тонов. Каждый спешит на улицу.

Весь первый день обмолота Савельев проводил на току. Работал на молотилке, становился к барабану и не сходил до самого вечера. Неутомим в работе Савельев. Руки проворны. Глаза — как у ястреба. Лишь не воронь — подавай ты ему снопы.

Смотрят колхозники на председателя:

— Любит, любит Савельев у нас обмолот. — И тут же старое вспоминают: — Он каждого пятого в нашем колхозе, считай, пропустил через обдирочный тот аппарат. С кого лень ободрал, кому спесь поубавил, многим мозги прочистил.

Смеются колхозники:

— Григорию Сорокину был обмолот. Филимону Дудочкину был обмолот. Ну, а Анисью Сыроежкину — эту просто, считай, провеял.

Глава третья

НА ПЕРЕВАЛЕ

«НЕ ПУЩУ!»

Нютка Сказкина — посыльная при правлении, та, что пялила больше других глаза на ракетчика, — явилась однажды к Савельеву:

— Степан Петрович, не могу я больше в посыльных.

— Ну что же, — сказал Савельев, — жаль расставаться, но одобряю. Куда собираешься?

— На ферму, Степан Петрович.

— Вдвойне одобряю.

Ну, имел же Савельев с Нюткой потом хлопот!

На ферме дела не ладились. Стадо увеличивалось медленно. Плохо было с молодняком. Надои держались на уровне очень среднем. Заведующий фермой Егор Тимофеевич Параев относился к работе недобросовестно.

Нютка с жаром взялась за дело. Оказалась она на редкость въедливой. Вначале засела за книги. И первый вывод, который сделала Нютка, начитавшись тех книг: чистота и порядок — вот что должно быть главным в коровнике.

За чистоту, или, как говорила сама Нютка, за «красоту», прежде всего и взялась девушка. Чуть что — Нютка бежала к Степану Петровичу. То белила нужны для стен, то доски для покрытия пола, то какие-то более совершенные ясли; наконец, достань ей железные трубы — в коровнике нужен водопровод. А поди достань эти железные трубы, если ты даже не частник, а целый колхоз.

— Выходит, на свою голову отпустил я тебя на ферму, — посмеивался Степан Петрович. Но доставал и белила, и доски, и даже трубы.

Потом Нютка взялась за проблему кормов. Снова читала какие-то книги, опять приходила к Савельеву, наседала, наступала, твердила:

— Не тот рацион. Не тот рацион.

И тут же ему — какой нужен для коров рацион. Вплоть до каких-то там витаминов. Вот и новая забота у председателя — доставай для коров витамины.

Наведя красоту в коровнике, Нютка тут же ввела санпост, то есть проверяла, насколько чисты у доярок халаты и руки, и вообще в коровник без халатов никого не пускала. Стояла, как часовой.

Савельев из-за этого даже имел неприятность. Приехал однажды в колхоз очень видный работник из района. Прошел, не заходя к Савельеву, прямо на ферму. По-хозяйски распахнул ворота в коровник, переступил порог.

— Стой! — закричала Нютка. — Стой!

Работник опешил, попятился. Подбежала Нютка и вовсе вытолкала его наружу.

Потом он, конечно, посмеялся над этой историей. Понял, в чем дело. Но тогда, в первую минуту, даже обиделся. О чем и сказал Савельеву.

— Ну и ну... — выговаривал, правда улыбаясь, Степан Петрович Нютке. — Ты что же, и мать родную непустишь?

— Не пуцу, — упрямо стояла Нютка. — И вас без халата, Степан Петрович, не пуцу. Не полагается. Никому.

— Ну и ну... — вновь повторил председатель.

А через несколько дней зашел Савельев в коровник (конечно, в халате) и увидел такую картину. Расхаживает по коровнику Нютка, а рядом с нею Вася-ракетчик. В пиджачке Вася, без всякого халата. А Нютке хоть бы что. Глаза у самой светятся. Идет, словно плывет.

— Вот тут, — объясняет ракетчику Нютка, — новые ясли. А это — водопровод.

Повернула кран — зажурчала вода.

Постоял Савельев, повернулся, не захотел смущать Нютку, тихо вышел на улицу.

ПЕРВОЕ МЕСТО

Вася Шишкин оказался лихим в работе. Он быстро освоил трактор. Был принят в бригаду к Червонцеву.

Трактор в руках у Васи — словно игрушка, словно послушный конь. Любо было взглянуть, когда Шишкин ехал на тракторе в поле. Ракетчик не ехал. Он гарцевал.

Девчонки в такое время к колодцам быстрее бежали: мол, за водой. А сами лишь бы глянуть глазком на Васю. Мальчишки неслись за ним километр. И каждый из них половину бы жизни отдал, лишь бы оказаться на месте Васи.

— Джигит, джигит! — выкрикивал дед Опенкин. — Кавказец. Хаджи-Мурат. — Дед Опенкин в селе был начитанным.

В бригаде Червонцева установилась такая традиция. Каждую весну устраивали трактористы между собой соревнование на лучшего пахаря. Отводилась каждому равная доля земли. Условия для победителя — быстрее всех пропахать свою долю. Причем нигде не нарушив агрономической нормы — пахать на 20 — 22 сантиметра вглубь.

На эти соревнования собиралось чуть ли не все село. Даже дед Празуменщиков и тот приходил. Не говоря уже о деде Опенкине. Этот носился от трактора к трактору и истошно орал:

— Газу, газу, давай ему больше газу!

Редко кому удавалось побить Червонцева. Тут ему не было равных. По сути, борьба шла за второе, за третье место.

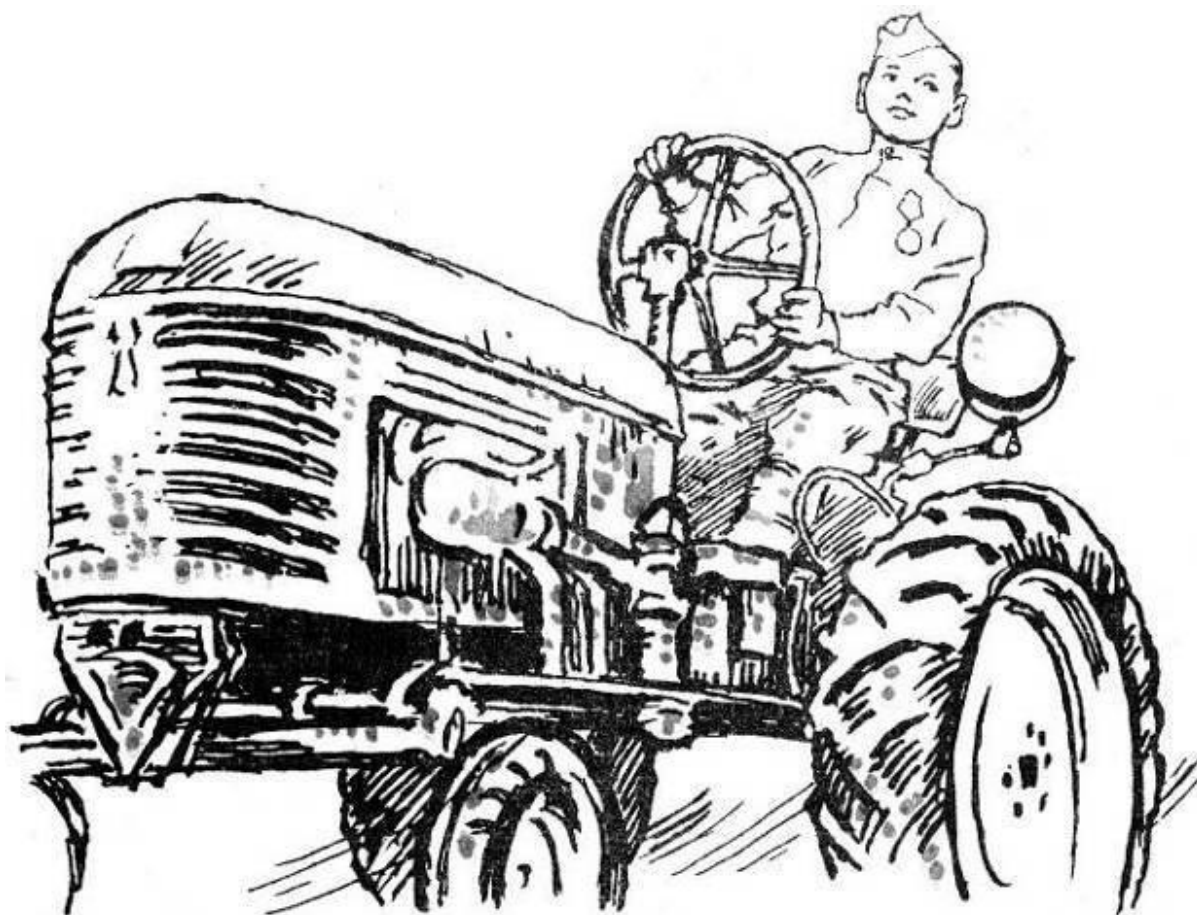
Впервые в этих соревнованиях принял участие и Вася Шишкин.

В селе стали поговаривать, что ракетчик бригадира побьет. Больше всех тут старалась Нютка:

— Конечно, побьет! На то и ракетчик.

И вот наступил день соревнований. Трактористы сели на машины. Моторы взревели.

Вася резким рывком сразу ушел вперед. Червонцев слегка замешкался. Но это было не ново. Все знали привычку Червонцева трогать машину последним. Словно хотел бригадир

убедиться, что все и у всех в порядке, своими глазами увидеть, как двинулся каждый. Так было и в этот раз. Но потом, пропустив всех вперед и плюнув поочередно на каждую руку, Червонцев взялся за рычаги. И вскоре нагнал ракетчика. Обошел его метров на сто. Так продолжалось два круга.

С третьего круга Шишкин с бригадиром сравнялся. И трудно было теперь гадать, кто же выйдет из них победителем. Ибо едва вырывался вперед Червонцев, как тут же Вася его настигал и обходил. И теперь уже бригадиру приходилось смотреть ему в спину.

Однако к концу соревнования Шишкин заметно сдал. Расстояние, между ним и Червонцевым все увеличивалось.

И, как ни кричал дед Опенкин, тыча рукой на Васин трактор: «Газу, газу, давай ему больше газу!» — было ясно: дело Васи проиграно. Финиш был рядом.

И вдруг. Вот ведь случись неудача — заглох у Червонцева трактор.

Ну, ракетчик, не мешкай — рви! Победа в руках у Васи.

Но... Что такое? Глушит ракетчик трактор. Бежит через поле к машине Червонцева.

— Ну и ну! — только всплеснули руками зрители. Подбежал ракетчик:

— Что там, Иван Панферыч?

Однако беды большой не случилось. Повозились минуту-вторую бригадир и Василий. Вновь заработал трактор.

Так и пришли они к краю поля: Червонцев — первым, Вася — за ним.

Долго обсуждали в Березках поступок Васи.

— Орел! — говорил дед Опенкин. — Суворовской школы солдат.

— Эка куда хватанул! — отвечали на это деду. — Ты поближе ищи примеры.

— Есть и поближе, — соглашался старик. И тут же начинал о себе, о прошедшей войне, о том, как завел он фашистов тогда в болото.

— Не было этого, не было! — возмущался старик Празуменщиков. — Ты просто, Лукашка, от страха с дороги сбился.

— Хви! — выкрикивал дед Опенкин.

И между стариками опять начинался спор.

ЧЕРВОНЦЕВ

Если говорить о героях, имея в виду Березки, то, конечно, тут первое место ему — Ивану Червонцеву.

Прошел он нелегкие годы и для страны, и для колхоза, как верный ее солдат, не склонив головы.

В лихую годину минувшей войны Червонцев сражался с фашистами. Он насмерть стоял у Москвы, и, возможно, не будь в тех боях Червонцева, не удержалась бы в ту лютую зиму Москва. Он бился у стен Сталинграда. И, возможно, не будь там тогда Червонцева, не устоять бы Сталинграду. Он славу свою солдата гордо пронес до Берлина. И, возможно, не будь среди воинов наших Червонцева — не дошли бы войска до Берлина. Вернулся Червонцев с войны в Березки старшиной и с тремя орденами Славы.

— Полный георгиевский кавалер! — кричал дед Опенкин, встречая солдата.

Вернулся Червонцев с войны героем и коммунистом. Героем он был. Таким и остался.

Сказать о Червонцеве, мол, любит Червонцев землю, — это и слабо и мало. Вся жизнь для земли у Червонцева.

И это знает сама земля. И за это Червонцева любит. Может, в войне не погиб Червонцев из-за этой ответной ее любви, из-за этой ее благодарности.

Приезжайте в Березки к началу пахоты, в первый торжественный день. В белой как снег крахмальной сорочке выходит Червонцев к трактору, выводит его в поле.

Сердилась вначале жена:

— Оно ж на одну минуту.

И правда, трактористу — в сорочке белой! Это, скорее, для сцены, певцу.

— На одну, — не спорит Червонцев, — но на великую: на первую встречу с землей.

Уяснила жена. Сама теперь готовит ему сорочку. Заблаговременно. Лежит сорочка. Бела как снег. Ждет великую эту минуту.

Ждет!

НЕЗАМЕНИМЫЙ

Летом неизвестно откуда забрела в Березки цыганка. Ходила она по избам и за рубль предсказывала людям разные судьбы. Многие тогда гадали. Не удержался и заведующий фермой Егор Тимофеевич Параев. Поначалу цыганка ничего путного ему не сказала. Параев уже пожалел истраченный рубль. Мужик от природы прижимистый. Ворожея это заметила и, чтобы хоть чем-нибудь поразить Егора Тимофеевича, а заодно и еще получить с него новые деньги, протянув руку, сказала:

— Положи еще рублик — важную вещь скажу.

Параев поколебался. Но любопытство взяло верх. Порылся в карманах, вытащил деньги, отдал.

— А больше всего, золотой, — проговорила цыганка, — берегись дамы бубновой.

Вскоре после этого гадания и появилась на ферме Нютка. Глянул Параев — вот она, бубновая дама.

Стало в Нютке Параева раздражать все. И как ходит, и как говорит. Даже веснушки на лице Нютки и те не давали покоя Егору Тимофеевичу.

На ферме Параев давно. Пережил не одного председателя. И хотя похвастать-то ферме нечем, разве что Василисой Прекрасной, да и то эта история давно уже в прошлом, но сложилось так, что прослыл Параев на своем посту человеком незаменимым. А почему — и ответить трудно. Просто к нему привыкли.

Чуть что — Егор Тимофеевич грозился оставить ферму. И его всегда уговаривали того не делать. А почему уговаривали — опять непонятно.

И вот стала на пути у Параева Нютка.

Принялся Параев строить против Сказкиной разные козни. Стал по углам нашептывать дояркам недобрые слова против Нютки. Хотел Егор Тимофеевич, чтобы она ушла с фермы. И вдруг все это повернулось только против него самого. Полюбили Нютку на ферме. Не дали ее в обиду.

Поднялась на защиту молодой колхозницы и тетка Марья, а она считалась лучшей дояркой в Березках. И колхозный зоотехник. И даже Наталья Быстрова — та, из которой при председателе Разумневиче делали скопом масштабную знаменитость.

На очередном собрании работников фермы Параева начали сурово критиковать.

Параев обиделся и тут же после собрания прибегнул к своему испытанному приему: подал заявление с просьбой освободить его от заведования фермой. Однако ошибся Параев.

На этот раз никто в ноги ему не поклонился. Уговаривать не стали. Собралось правление и удовлетворило просьбу незаменимого Егора Тимофеевича.

Встал вопрос, кого же назначить на его место. Доярки кричали:

— Нютку!

Зоотехник поддержал. Савельев усмехнулся и тоже не выступил против.

Стала Нютка заведовать фермой.

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Много хороших, работающих людей в Березках. Иван Червонцев, бригадир полевых работ Елизавета Никитична, или попросту — тетя Лиза, жена дяди Гриши, Вася-ракетчик, тетка Марья, Нютка... Да разве только они одни! Не счесть хороших людей в Березках. После истории с мешком неузнаваем теперь Григорий Сорокин. И Филимон Дудочкин вовсе уже не тот. И крепко держит данное слово Сыроежкина Анисья Ивановна.

И все же... И все же...

Да, не враз человек меняется. Примером тому тот же Степан Козлов. Правда, после всем известных индивидуальных бесед, которые проводил с байбаками Савельев, попросту было Козлов. И даже казалось, Степана прежнего больше нет. Преподанный умер. Родился новый. Но то лишь казалось. Прошел месяц, другой, и снова Козлов за старое.

— Маркиз, как есть Маркиз, — вспоминали кличку, данную Козлову ипподромным председателем. — Верно Рыгор Кузьмич тебя окрестил. Хотя и был он мужик с перехватом, но глаз имел точный.

— Да что я — ишак? — отбивался Козлов. — За тот трудодень, что слезы, спину до боли гнуть! Что мне — указ Савельев?! Я в жизни и так пристроюсь.

От отца и от деда перенял Степан мастерство шорника. И надо сказать, в этом деле Козлов был умелец. Исчезал он из Березок на неделю, на две. Уходил в другие села на приработки.

Возвращался всегда довольный, сияющий, доставал из кармана деньги.

— Вот... — говорил Козлов. — Ради этого и можно согнуться в бараний рог.

— К легкой жизни, Степан, стремишься, — покачивали головами колхозники. Правда, кое-кто ему и завидовал.

После одной из подобных отлучек вызвал Савельев к себе Степана:

— Ну как дальше, тезка, жить будем?

— Как? Полегоньку, не торопясь, — нагло ответил Козлов.

Степан Петрович понял: крутого разговора не избежать. И он состоялся. Закончил его Савельев прямой угрозой.

— Вот что, — сказал председатель, — чтобы это, — и уточнил: — уходы в рабочее время, — было в последний раз. Иначе пеняй на себя.

— Ишь ты, милиционер! — ругал Козлов Савельева по дороге домой. Через несколько дней Козлов снова исчез из Березок.

Угроза не подействовала, и Степан Петрович оказался в затруднительном положении. Сдержать слово — лишишься в колхозе в целом-то нужного человека. Не сдержать, пройти мимо — поставишь себя в неловкое положение. Вот и найди здесь правильный выход.

Зря мучился председатель. Вернувшись в Березки, Козлов сам явился к Степану Петровичу и положил перед ним заявление об уходе из колхоза.

Такого оборота Савельев не ожидал. Расстроился даже Савельев. Стоял он минуту молча. Потом не сдержался, бухнул кулаком по столу:

— Уходи!

— Бежит, бежит из колхоза народ, — злорадствовал Егор Тимофеевич Параев.

ЗАКОН ПАРНОСТИ

Как-то одно к одному: только уехал из колхоза Степан Козлов, — как новая убыль в Березках. Опять задержала районная милиция Глафиру Носикову за спекуляцию. На этот раз судили ее. Наказали, правда, нестрого, но все же — год исправительных лагерей.

— Ну, вот тебе закон парности, — сказал Савельев.

— Что, что? — переспросил дед Опенкин.

Председатель был дома. Старик и принес ему эту новость:

— Закон парности, — повторил Степан Петрович.

— А-а... — протянул дед. Но лишь сделал вид, что понял. А сам ничего не понял.

Дед Опенкин тут же помчался к Феде Кукушкину.

— Закон парности? — переспросил Федор. Задумался, сморщил лоб.

Пошел порылся в каких-то книгах, вернулся, сказал:

— Нет, Лука Гаврилович, такого закона.

Опенкин вернулся к себе в избу и заговорил снова с Савельевым. Степан Петрович ему и объяснил, что это не столько закон, сколько нечто вроде приметы. Для большей ясности приводил старику примеры: нашел белый гриб — ищи рядом другой, застучалась беда в двери — жди и еще одну следом.

— Понятно, — сказал Опенкин.

Глафиру Носикову в селе не любили. Мирились, но не любили. А мириться было из-за чего. Глафира давала в долг деньги. В худую минуту можно было к Носиковой пойти, заранее знали, что не откажет. Правда, давала деньги она под проценты. Взял три рубля — верни три пятнадцать. Пятнадцать — это и есть проценты.

Поэтому, узнав о решении суда, многие посожалели. А сердобольные люди вообще говорили:

— Своя же баба, местная. Хоть и дрянь, но не чужая. Сурово, сурово с ней...

И вдруг пришло от Глафиры письмо с просьбой взять ее на поруки. То есть если колхоз за Носикову поручится, то ее снова вернут в Березки.

Вот тут-то и начались споры. Одни — брать на поруки Глафиру. Другие — не брать. Третьи — поступить так, как скажет о том Савельев.

— Возьмет он Глафиру, возьмет... — зашептались в Березках. — Сейчас это модно.

— Нет, не возьмет, — говорили другие, — Мужик он с норовом. На моду Савельеву чхать. Будь что другое, возможно, и взял бы. Однако тут спекуляция.

— Ну что скажешь? — спросил Червонцев Савельева.

— Мнения своего не скрываю, — ответил Степан Петрович. — Таких, как Глафира, круто надо учить. Однако давить не стану. Поступим так, как решит собрание — по большинству голосов.

Собрание было бурным. Единого мнения не было. Пришлось голосовать.

Дед Опенкин при голосовании решил увильнуть, воздержаться — на всякий случай, чтобы потом ни одна из сторон его не корила.

Когда подсчитали, кто «за» и кто «против», то выяснилось, что голоса распались. И опять на две равные половины, как тогда, при выборах Лапоногова.

Переголосовали, и опять получилось то же самое.

Дед Опенкин замер. Неужели вспомнят? И правда, вспомнили. Уловку деда заметила Нютка Сказкина.

— Ну, Лука Гаврилыч, а ты же за что? — спросил Червонцев, который проводил это собрание.

Понял старик, что он опять оказался в том же самом положении. Его голос хоть и единственный, но решающий. «Тьфу! — сплюнул старик. — Ишь паршивец! — вспомнил он Федю Кукушкина. — А говорил, что закона парности нет! Прав Савельев — закон имеется».

Подумал старик и поднял руку так же, как и начальство, против Глафиры. Проголосовал и решил дело. Те, кто был за Глафиру, ругали потом старика.

— А я — что? Я ничего, — оправдывался дед Опенкин. — Я ни при чем. Я по закону.

— Это по какому еще закону?

И дед понес про закон парности.

Больше всех шумел Егор Тимофеевич Параев. Причем, конечно, не столько на старика, сколько в адрес Савельева.

— Ему что, — говорил Параев, — нашего брата ему не жалко. Чужак, пришелец.

ТРАССА

Дороги к Березкам — сплошное горе. Даже к соседним колхозам «Дубки» и «Грибки» на каждом метре по три колдобины. А если хочешь добраться к районному центру — готовься к тому, что лишь наполовину живым прибудешь.

Это — когда по сухому, летом.

А что же сказать, если весна или осень. Тут непролазная грязь. Сколько рессор на этих дорогах побито! Сколько напрасно здесь сожжено бензина! Бедные машины! После поездок по этим дорогам это ряды калек.

В дождливую осеннюю пору Березки как неприступный рыцарский замок, как таинственный остров в открытом море, как станция Северный полюс. Отрезаны наши Березки от лежащего рядом мира.

Не зря в колхозе сложили частушку:

Есть на свете пароход,

Есть на свете теплоход.

Не придумали лишь люди

Для Березок грязеход!

И вот привез Степан Петрович из района важнейшую новость. Через земли района и даже колхоза будет проложена трасса. Дорога большого значения. Докладывая об этом членам правления, председатель назвал трассу артерией.

Правда, по плану дорога пройдет от Березок на расстоянии семи километров.

И вот тут-то Степан Петрович сказал:

— На эту трассу нам бы тоже ответить трассой.

И пояснил: мол, от Березок к этой большой дороге провести и свою дорогу.

— Пора выходить нам в широкий мир, — говорил Савельев. И усмехнулся: — Так сказать, прорубим окно в Европу.

Конечно, построить дорогу силами колхоза, пусть она и в семь всего километров, дело совсем не простое. И все же если пугаться дела, то лучше всего ни за что не браться. Много ли легких на свете дел?

В Березках колхозники не из пугливых.

— Надо дорогу строить?

— Будем дорогу строить! Однако какой нам за это пойдет трудодень? Тот самый?

— Тот самый, — ответил Савельев.

Поежились колхозники:

— Пусть подождет дорога.

Но Савельев решил не ждать.

Взял он кирку, лопату, вышел с рассветом к околице. Проснулись люди, видят — Савельев дорогу ладит.

— Савельев дорогу ладит!

— Савельев дорогу ладит! — пошло по селу.

Первым прибежал бригадир Червонцев, рассмеялся:

— Ты что же, Степан Петрович, один?!

— Один, — отвечает Савельев.

— Ну что же, давай помогу.

— Вот и выходит — двое.

Прибежал за Червонцевым Вася-ракетчик. За Шишкиным — дед Опенкин:

— Ах, опоздал! Ах, опоздал!

Дядя Гриша явился пятым.

Дудочкин был шестым. Потом были десятый, двадцатый, тридцатый...

В общем, возникла народная стройка. Заработали здесь трактора и катки.

Подзадорил Савельев колхозников. Мол, интересно, кто же быстрее управится: те, мастера с настоящей трассы, или они у себя в Березках?

— Прыткий, прыткий у нас председатель, — говорили колхозники. — А что же, верно, чего же время напрасно тянуть!

Дорогу строили дружно. Семьи пошли на спор: то ли Беловы, то ли Сизовы, то ли Корытовы, то ли Копытовы лучшими в стройке будут.

Не отстали колхозники от мастеров с настоящей трассы. Завершили работу в одинаковый с ними срок.

ЧАЙНАЯ

Бегут по стране дороги. Тысячи разных дорог. Паутиной бесчисленных линий ложатся они на карту. Паутиной бесчисленных линий режут родную землю. Вдоль, поперек, к югу, на север, к любому

большому городу, любому поселку, любой деревеньке дорожные тянутся нити. Бегут по стране дороги. Уходят дороги вдаль.

Солнце палит, дождь, непогода, бураны, гроза, метель — идут по дорогам машины. Раннее утро, поздний ли вечер, солнце стоит в зените или землю сковала ночь — идут по дорогам машины. Уходят машины вдаль.

Та, важная очень трасса, которая нынче легла у Березок, тоже одна из таких дорог.

Все хорошо на трассе. Плохо одно: мчишь из конца в конец — и поесть тебе негде.

Степан Петрович заметил этот ее недостаток. «А что, — рассуждал председатель, — если в наших местах у трассы построить, допустим, чайную или хотя бы буфет? Колхозными силами. И колхозу их содержать. Тут же двойная выгода: и тот, кто едет, будет чайной такой доволен, ну, и, конечно, колхозу доход от этого».

Председатель и место уже прикинул. Как раз на развилке, где их самодельная трасса входит в большую трассу.

Мысль о чайной пришла по душе и правлению. А бухгалтер, тот прямо сиял. Чувствовал счетный работник, что тут колхоз внакладе не будет.

Открыли колхозники чайную. Назвали ее «Березки». На всю трассу «Березки» были пока одни. Представьте, как ломались двери у этой чайной!

Однако чайная принесла председателю великие неприятности. Вызвали Савельева в район и предложили ее закрыть.

— Не колхозное это дело, — сказали строго Степану Петровичу. — Есть специальные, предусмотренные государством тресты и управления. Нечего им мешать.

А разве колхоз мешает? Пусть тоже откроют чайную.

— Мы ж для людей построили!

Упрекали Степана Петровича в том, что погнался председатель за лишним доходом, и если говорить политически, то это какой-то заскок — то ли вперед, то ли куда-то вправо.

«Вперед» — это совсем не страшно. Это даже, скорее, похвально. Вот «вправо» — это намного сложнее. «Вправо» — значит, куда-то не в верную сторону.

А при чем здесь неверная сторона, если от чайной лишь общая польза? Не согласился председатель с мнением районных властей, ездил специально в область. Чайная и там поставила многих в тупик.

— Да, впервые такое в областной нашей практике.

Хотели, между прочим, тоже ее закрыть.

И все же вернулся Савельев с победой.

Неизвестно, как будет дальше. Но чайная все же пока стоит. Отлично в той чайной кормят.

ГРИБОВАРНЯ

Грибов в Березках — вози возами.

И колосовики здесь бывают — это первые грибы; появляются они ранним летом, когда колосится рожь. И, конечно, не переводятся грибы весь август, и весь сентябрь, и так до самых заморозков.

Однако выбирали в Березках их самую малость. Ценился только «гриб». Грибом называли белый. Все же грибы остальные считались вроде сорной травы. Даже маслята, даже лисички и даже грузди.

Лучшим, а вернее, единственным грибником считался в Березках дядя Гриша, тот, которого звали Тетей. Собирал он грибы для продажи. Возил их в область. Хотя дохода от этого никакого и не имел. Областной город далеко. Денег, вырученных от продажи грибов, как раз хватало на оплату дороги. Ездил же дядя Гриша лишь потому, что вообще любил ездить.

Обилием грибов в Березках Савельев был потрясен. Решил председатель построить прямо в лесу колхозную грибоварню. Руководить строительством Савельев по совету деда Опенкина поручил дяде Грише.

Сложили грибоварню в три дня. Ибо грибоварня — это не завод и не фабрика, а просто сарай или будка: крыша, четыре стены и котел для варки грибов.

О березкинской грибоварне узнали в районе, и так же, как с чайной. Савельев опять имел неприятности. Вновь говорили: «не то», «не туда», «не колхозное это дело».

— В районе есть заготовительная артель, — сказали председателю.
— Пусть артель и занимается грибоварением.

А поскольку грибоварня уже построена, то и приняли в районе решение, чтобы колхоз передал грибоварню в эту артель.

Вернулся Савельев из района хмурым. Хотел снова ехать в область, но задержали дела колхоза. Как раз в самом разгаре была уборочная пора.

А через несколько дней примчалась к председателю Нютка Сказкина:

— Степан Петрович, Степан Петрович! Ой, что случилось. Ой, что случилось! Нет грибоварни в лесу!

— Как — нет?! — опешил Савельев.

— Нет, нет! — тараторит Нютка.

Сходил председатель в лес, глянул на то место, где сложили они грибоварню, — верно, нет грибоварни, словно и не было.

Понял председатель: обозлились на решение районных властей колхозники, разобрали в момент грибоварню.

Пытался Савельев дознаться, кто виноват. Но так и не выяснил. Все разводили руками. И в один голос:

— Сами такому дивимся.

С грибоварней в Березках не получилось. Дядя Гриша по-прежнему единственный здесь грибник и заготовитель.

СТУЛЬЧИКИ С ДЫРОЧКОЙ

К зиме работы в колхозах заметно стихают. Особенно у полеводов.

В длинные зимние вечера кое-кто в Березках занимался плетением корзин. Особенной мастерицей считалась Варвара Нефедова. Орудовала она лозой, словно иглой и ниткой. Проворность рук у нее поразительная.

Корзины колхозники возили в район на базар.

Насмотрелся однажды Савельев на проворные Варварины руки, на горы сплетенных ею корзин и, во-первых, подумал: «Да, немало у нас способных людей», а во-вторых: «Вот ведь тоже доход колхозу. Конечно, корзины — неплохо, — рассуждал председатель. — А если расширить дело? И изготавливать в Березках в зимнюю пору, допустим, плетеную дачную мебель?»

Идея захватила Савельева. Заговорил он с Варварой Нефедовой. Та ахнула:

— Да как же так? Да к этому мы неспособные!

Однако интерес проявила. А в конце разговора сказала:

— Что же, Степан Петрович, не боги горшки обжигают.

Ездил Савельев в область, привез оттуда какого-то молодого человека. Называл его важно: «товарищ архитектор» и «модельер». Этот «товарищ архитектор» и «модельер» и сорганизовал за месяц производство в Березках плетеной мебели. Стали делать стулья, кресла и кресла-качалки.

А потом дед Опенкин внес и новое предложение.

— Вот что нужно еще делать, — заявил дед, — стульчики с дырочкой.

— Какие тебе еще стульчики с дырочкой! — огрызнулись на деда.

— Для детей, — пояснил старик. И сам, как образец, сделал первый стульчик. И очень удачный.

Опробовал стульчик двухлетний Гришатка Нефедов, сын Варвары. И тоже удачно.

Эти стульчики с дырочками плели теперь все. И взрослые, и старики, и дети.

При сбыте продукции оказались они самыми ходкими. Даже для Москвы заказали однажды в Березках тысячу стульчиков с дырочкой.

В новом начинании Березкам никто не помешал.

ТАБАК

Неожиданно Савельева пригласили в район. Приехал. Показали письмо. Прочел Степан Петрович и ахнул.

Речь в письме шла о Березках, а точнее, о председателе. Городились одно на одно обвинения.

Сообщалось, что Савельев покрывает воров. (Приводилась история с Григорием Сорокиным.) Насаждает на важные должности своих людей, а работников старых, заслуженных изгоняет. (История с Параевым.) Равнодушно относится к людям колхоза. (Отказался взять на поруки Глафиру Носикову.)

Были в письме обвинения и посильнее. Мол, потакает председатель кулацким настроениям. (Об огороде Анисьи Сыроежкиной.) И снова о той же чайной и той же грибоварне: мол, тянет Савельев в неверную сторону.

Далее в письме говорилось: колхоз разваливается, люди бегут из Березок. И тут же конкретно — Степан Козлов.

И как общий вывод: пока не поздно, Савельева надо снять.

Письмо было без подписи.

Разбирать дело Савельева приехал в Березки старый знакомый. Тот самый представитель из района, который заставил деда Опенкина поднять руку, когда избирали председателем Лапоногова.

Приехал представитель с огромным желтым портфелем. Роста он был высокого. И этот рост, и особенно портфель уже сами собой невольно внушали трепет.

Районный работник расположился в правлении и стал вызывать людей. Конечно, по одному.

Побывали у него Григорий Сорокин, Параев, Нютка, колхозный зоотехник. Затем представитель ходил по селу, заглянул на ферму, осмотрел чудо-огород Анисьи Сыроежкиной. Потом вновь вернулся в правление и продолжил свои беседы.

К приехавшему был вызван и дед Опенкин.

— Ну, Лука Гаврилыч, ты должен нам помочь. Помочь, — сказал представитель. — Дело несложное, а все же... Савельев живет у тебя?

— Ну, у меня.

— Так, так... Пьет?

— Пьет. Кофию пьет по утрам.

Представитель хмыкнул.

— Ну ладно. А что ты скажешь про историю с Григорием Сорокиным?

— Другой бы Гришку, конечно, под суд, — начал старик. — Но Савельев не тот человек...

— Хватит, хватит! — прервал представитель. — Все ясно. Значит, под суд? Правильно.

Дед с удивлением посмотрел на районного гостя. Но тот уже задал новый вопрос:

— А что ты скажешь, товарищ Опенкин, про гражданку Сыроежкину и ее огород?

— Что я скажу? Да та Аниська мне в ноги должна поклониться! Кабы послушал меня Савельев, тут для Аниськи и очень дурным могло бы пахнуть.

— Так, так... — произнес представитель. — Значит, предупреждали Савельева. Не послушал Савельев?

— Нет, не послушал, — ответил старик. — И не ошибся. Правильно сделал...

— Хватит, хватит! — прервал районный работник. — Все ясно.

Дед с еще большим удивлением посмотрел на гостя. Насторожился.

— Что тебе ясно?

— Зазнался Савельев. Советов народа не слушает. Воров покрывает. Вот так и напиши. Как сказал, так и напиши. — Представитель придвинул к деду лист чистой бумаги.

Дед посмотрел на бумагу, на гостя, опять на бумагу, снова на гостя. Поднялся и вдруг:

— Вошь!

— Что? — не понял представитель.

— Вошь, говорю! — повторил Опенкин. — Эх ты, малое насекомое. Только зуд от твоих бесед.

Для наглядности старик почесался локтями, напялил шапку и, не попрощавшись, вышел из комнаты.

После Опенкина у представителя побывало еще несколько человек. И вдруг, не переговорив со всеми, кто был к нему вызван, грозный работник неожиданно прекратил дальнейшее расследование и срочно уехал в район.

А вскоре к Савельеву прибежала Нютка Сказкина:

— Ой, Степан Петрович, что будет, что будет!

— Ну, что там еще случилось?

— С этим, с длинным, Вася схватился.

— Ракетчик?

Нютка кивнула.

— Ну и что же ракетчик? Ударил?

— Нет, не побил. За грудки брал. Но не побил.

— Да, — произнес Савельев. — Дело, выходит, совсем табак.

ГВАРДИЯ

Уехал представитель, а через день в колхоз пришла телефонограмма. Савельева срочно вызывали к секретарю районного комитета партии.

— Снимут Савельева, снимут, — поползли по Березкам слухи.

О том же думал и Савельев. Вновь перебирал Степан Петрович в памяти весь этот год, день за днем, шаг за шагом. Искал, в чем промахнулся, где перегнул. Не находил. Конечно, кое-кого обидел. Где-то был крут. Где-то излишне ершист. Год был нелегким. Но совесть чиста.

— А, к черту их всех! — ругнулся Савельев.

Устал, конечно, председатель за год. В последние дни надергался. Однако потом подумал: «А что же такого случилось? Ничего. Все даже очень идет нормально. Ехал в Березки — не о мимозах и розах думал».

С такими мыслями и приехал председатель в район. По пути подготовил речь. Решил наступать и без боя не даваться.

Неожиданности начались сразу. Вопреки предположению, секретарь райкома встретил Савельева приветливо:

— Счастливым родился, счастливым. В сорочке.

Савельев почувствовал: что-то произошло. Но что именно, Степан Петрович понять не мог.

— Гвардия у тебя, гвардия, — сказал секретарь.

И это снова было загадкой.

— Вот что, возвращайся в колхоз, — сказал секретарь райкома. — Считай, что дело твое рассмотрено. Претензий райком не имеет. Работай. Трудись. — Потом чуть построже: — А своим накажи: за рукоприкладство, если еще хоть раз повторится, ответ будет общий, твой в том числе. Заруби.

Савельев понял, что речь шла о Васе и том, высококом.

— Да он же дурак, — не сдержался Степан Петрович, имея в виду районного представителя.

— Осторожней, товарищ Савельев, — насупился секретарь. — Ты наши кадры не трогай. Умом не блещет — согласен. Не слепой — вижу. Но исполнительен. — Секретарь задумался, взглянул на Савельева. — Вот что, Степан Петрович, как посмотришь, если тебя на работу в район?

Савельев покачал головой.

— Что, не прельщает?

— Нет, почему же? Но и в колхозах люди нужны.

— Нужны. Ой как нужны! — вздохнул секретарь. — Всюду нужны. Ну что же, ступай. — И опять повторил: — Гвардия у тебя, гвардия.

«Что это он все время про гвардию говорит?» — подумал Степан Петрович.

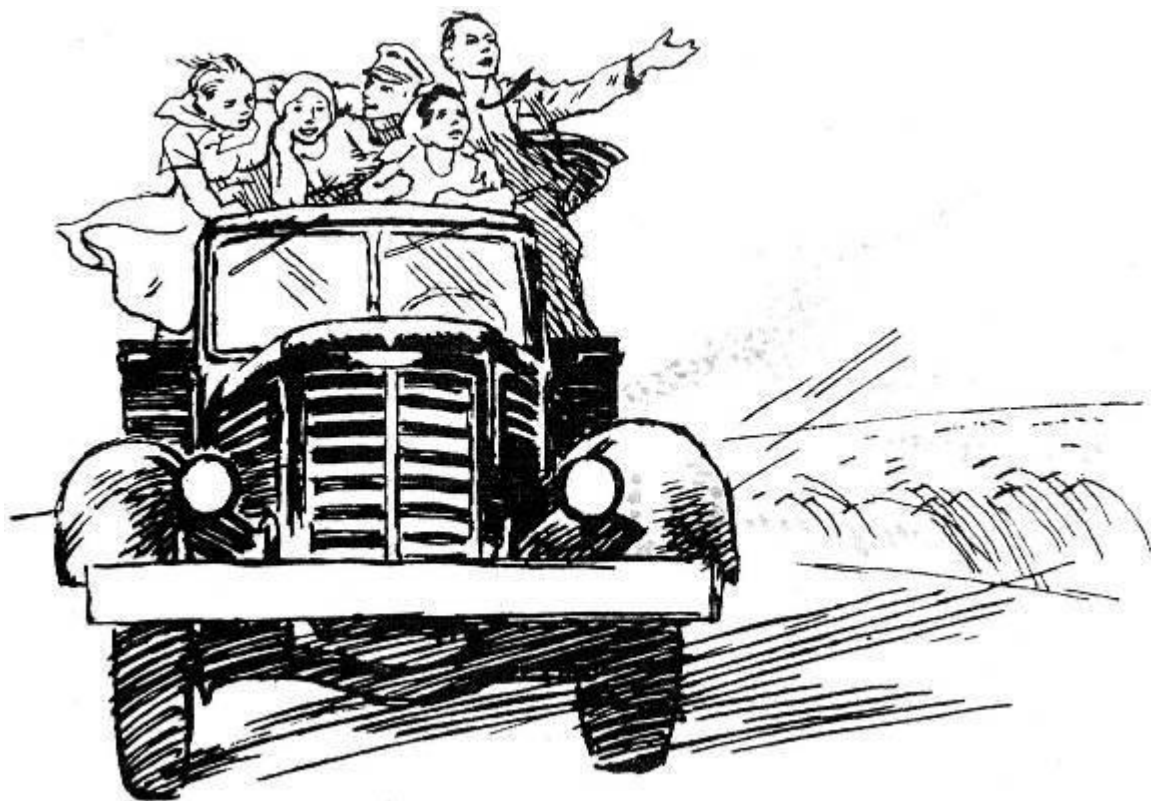
Секретарь уловил непонимающий взгляд Савельева.

— О людях твоих говорю. О людях. — Секретарь усмехнулся. — Два часа вот тут у меня просидели. Чуть шкуру с живого не сняли.

Секретарь взял Савельева под руку, подошел с ним к двери. Раскрыл. Глянул Савельев — вот она, «гвардия». Стоят перед ним Червонцев, бригадир полеводов Елизавета Никитична, или попросту — тетя Лиза, Нютка Сказкина, Сыроежкина Анисья Ивановна и даже Григорий Сорокин.

— Ну, получайте своего председателя, — произнес секретарь. — Ершист он у вас, ершист.

Возвращались из района все вместе на грузовой машине. Савельеву предложили сесть в кабину, но он отказался. Распахнул дверцу перед Елизаветой Никитичной. Но и та отказалась. И Анисья Ивановна тоже.

— Я там, наверху, — улыбнулась Анисья Ивановна. — Там воздуха, света больше.

Залезли все в кузов. Стояли, облокотившись на кабину, плотно прижавшись друг к другу.

А навстречу бежали родные поля. И солнце светило в небе. И ветер бил в лица. Бил, вышибал слезу.

Но неожиданности этого дня не закончились. Едва вернулись в Березки, едва Степан Петрович скинул свою районную пару, как вбежала в избу Нютка Сказкина и закричала:

— Ой, что будет, что будет, Степан Петрович!

— Ну, что там еще?

— Вася, опять Вася...

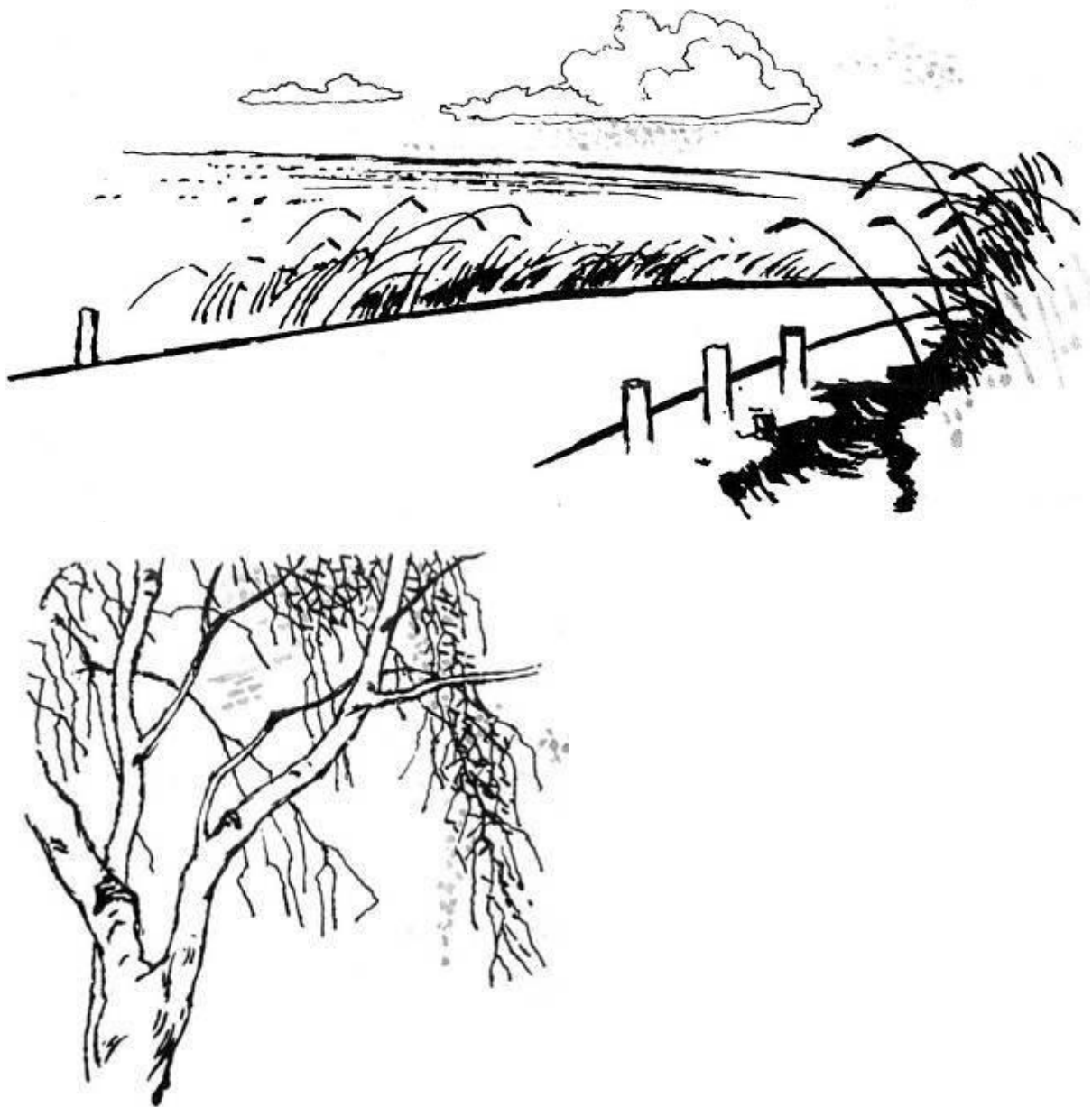
— Что — Вася?

— Дознался Василий: Параев писал.

— Ладно, бог с ним, с Параевым, — махнул Савельев рукой. Потом забеспокоился, встревожился. Уж больно взволнована Нютка. — Неужто Василий его побил?

— Побил, — простонала Нютка. — Что будет, что будет, Степан Петрович!...

Однако ничего не было. Параев смолчал.

Глава четвертая
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ
РЫЖИЙ ЛЕНТЯ

Рыжий Лентя чем-то в деда. Даже во многом. Видимо, черты характера в роду Опенкиных повторяются. Через колена. Потому что отец Ленти, то есть сын деда Опенкина — Серафим Опенкин, человек абсолютно смиренный. И старики говорят, что и у деда Опенкина отец, то есть дед отца Ленти, тоже был мужик смиренный, почти что робкий и уж совсем не болтливый.

Озорство в Ленте проявилось на втором же месяце от рождения. Разбросав пеленки, он выполз из люльки и бухнулся на пол. Говорят, то же самое было и с дедом Опенкиным, и тоже на том же месяце. Впрочем, случаи эти в селах совсем не редки. И тут могло быть просто случайное совпадение.

Но, по мере того как рос Лентя, этих совпадений становилось все больше и больше.

В три года Лентя объелся в лесу какой-то негодной ягоды, и его чуть не похоронили. То же случилось в свое время и с дедом Опенкиным.

На шестом году жизни Лентю бодал козел и оставил рубец на левой ноге. Такой же точно рубец и по той же самой причине был и у деда Опенкина, только на правой.

На восьмом году и тот и другой тонули в реке.

С пяти лет и до ухода в солдаты деда Опенкина ежегодно лупили за покражу соседских яблок. Лентя пока не достиг призывного возраста, но бьют его за яблоки тоже с пяти годов.

В десять лет Лентя попал в лисий капкан. Та же история произошла и с дедом Опенкиным, только тот угодил в волчий, и в лесу, а не на поле, как было с внуком.

Последняя беда с Лентей произошла совсем недавно. Был в Березках бык Маврикий. Бык племенной. Силы огромной. Роста огромного. Глазищи злые. Кольцо в носу. Ударит рогами — бревно навывлет. Двинет копытом — земля дрожит.

Сорвался с привязи как-то Маврикий. И надо же, чтобы случилось так, — не за кем-то другим помчался, а выбрал именно Лентю.

Ленте бы больше не жить. Но тут подвернулась береза. Быстрее кошки взлетел на березу Лентя. Как он туда попал, все поражались! Береза высокая, сучьев нет, ствол не меньше чем в два обхвата.

Уже потом другие мальчишки на ту березу залезть пытались. Не удалось никому. Пробовал Лентя вновь повторить — не получилось. А вот тогда получилось. Учитель в селе объяснил, что это от очень

большого страха. Бывают такие минуты, когда от испуга человек невозможное совершит. Так случилось, наверно, и с Лентей.

И надо же: точно такая же вещь произошла в детстве и с дедом Опенкиным. Разница только в том, что рыжий Лентя взмахнул на березу, а дед Опенкин залез на липу. Да еще в том, что дед Опенкин вернулся на землю сам, то есть бухнулся с липы. А для того чтобы снять Лентю, из района пригнали пожарную машину.

Унаследовал Лентя все дедово накрепко: и вздорный характер, и злой язык. Тут они в равных. И еще одну важную вещь унаследовал внук от деда. Любит Лентя родные Березки, любит родную землю.

Впрочем, это характерно для всех в роду у Опенкиных. Это единственное, что не чередовалось.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР

Рыжий Лентя, помимо того что воровал яблоки в соседских садах, был еще и экспериментатором.

Правда, вечных двигателей он не изобретал и ракеты, чтобы лететь на Луну, не конструировал. Все начинания Ленти были связаны с землей. Лентя прекрасно знал все земли вокруг Березок. И мог вполне научно объяснить, где что лучше сеять и в какой год что: рожь, ячмень или, скажем, просо. И в какой очередности, чтобы не истощить плодородие почвы.

Больше всего Лентя ценил рожь и лен. Однако начал он свои эксперименты с другого — с репы. Репа вкусная — мальчик ее любил.

В Березках при школе был небольшой земельный участок. А у каждого школьника свои грядки. Тут Лентя вместе с другими ребятами и хозяйничал. Вычитал мальчик в каком-то журнале, что растения чутки к музыкальным звукам — развиваются от этого быстрее. Вот и решил попробовать на репе.

Явился однажды Лентя на школьный участок с дудкой. Уселся возле своих грядок, начал играть.

Все пялили глаза на мальчишку, но он не обращал ни на кого внимания. На вопросы: «Зачем дудка?» — не отвечал, держал в тайне.

Однако играть долго на дудке оказалось делом совсем не легким. Даже при всей своей огромной любви к репе Лентя более тридцати минут дуть в дудку не мог — требовался очень большой перерыв для отдыха.

Дудку пришлось заменить. Но и те дни, которые мальчик потратил на дудку, не прошли для него без пользы: репа пока особых признаков быстрого роста не проявляла, но грудь у мальчишки стала расти.

Заменял Лентя дудку на патефон. Дед Опенкин долго патефон не давал, и тут экспериментатору пришлось раскрыться.

— Хви! — поразился дед. Подумал, но патефон отдал.

Стал Лентя теперь появляться с патефоном возле репы и крутил ручку с утра до позднего вечера. Оказалось, и это для Ленти с пользой. За месяц так развились у него на правой руке мускулы, что матери пришлось срочно распарывать рукава на рубахах.

Репа уродилась у мальчишки на славу. Председатель Дровоколов (это было как раз при нем) так поразился, глядя на эту репу, что тут же хотел радиофицировать все березовские поля. Он не успел осуществить этот проект лишь потому, что увидел Лентину репу, к сожалению, в последние дни своего пребывания в Березках.

Однако успех Ленти вряд ли стоило отнести к какому-то особому пристрастию репы к вальсам или к фокстротам. Скорее всего, дело было в другом: Лентя хорошо обработал землю. Потому что, когда на следующий год один из внуков тетки Марьи решил повторить тот же опыт,

у него ничего не получилось. Вообще осрамился — репа завяла.

— Не та музыка, — сказал Лентя.

На следующий год Лентя занялся изучением различных сортов удобрений. Именно с удобрениями и связан второй его эксперимент.

САПРОПЕЛЬ

Когда Лентя впервые произнес это слово, все вылупили на мальчишку глаза.

— Сапропель, сапропель... — повторял дед Опенкин. — А? Что же это такое? Сапропель...

Сапропель оказался болотным илом. Много его в тех местах, где стояли Березки. И на дне Переплюйки — маленькой речки, которая дугой огибала село. И в лесных озерах — Дышло, Копыто (одно из них было длинным, другое — круглым). Но больше всего — в пруду, который начинался сразу же за пришкольным участком.

Болотный ил рыжий Лентя решил использовать как удобрение. Таскал его из пруда ведрами, затем перекапывал вместе с землей на своей делянке. Эксперимент получился.

Мальчик в тот год посадил капусту. Капуста, как и репа, выросла у Ленти всем на загляденье. Вилки уродились такими, что вдвоем их с трудом обхватишь. Кочаны были плотными-плотными. Представьте — ножи их не брали! Секачи и те тупились.

Не менее других успеху Ленти поразился и сам Савельев. Стал он у деда Опенкина выспрашивать, в чем же таится причина такой удачи.

— Сапропель, — ответил старик.

Такого слова Савельев не знал. И даже придумал, не шутит ли дед Опенкин.

— Сапропель, — повторил старик и усмехнулся. — Эка какое слово! Научное, книжное. А на самом деле, — дед выразительно сплюнул, — под этим словом — ну как бы помягче сказать? — дерьмо.

Савельев обратился к книгам. То, что прочитал председатель, немало его удивило. Оказывается, болотный, речной и озерный ил, которого так много в округе Березок, представляет из себя ценнейший вид удобрений. Правда, подходит он лучше для огородных культур. Прежде всего для капусты, потом для моркови.

Но еще больше сразило Савельева то, что эти полезные свойства ила были известны людям давно-давно. Пользовались илом как удобрением еще задолго до нашей эры: и в Древнем Египте, и в Вавилоне, и в Китае, и в Индии.

Потом о болотных и речных перегноях люди почему-то забыли.

Лентя торжествовал победу. На следующий год на колхозные поля в Березках были вывезены первые сто тонн сапропеля.

В ОКЕАНЕ, АЖ ЗА АФРИКОЙ

Еще не утихли разговоры в Березках вокруг сапропеля, как Лентя поразил всех новым.

Далеко от родных берегов уходят на промысел отважные рыбаки.

Капитаном на одном из советских траулеров был выходец из Березок; имя его несколько раз встречалось в газетах. Капитаном он был прославленным. И вот Лентя решил «своему» капитану послать горсть земли из Березок. Результат был потрясающий. В ответ пришла телеграмма, в которой знаменитый рыболов низко кланялся родному селу. Писал, что получил ценнейший подарок, что эта земля поедет с ним в дальние океаны, а в ответ на внимание со стороны березовских пионеров он берет на себя обязательство добыть для страны сверх

плана много тонн океанской рыбы. Через год пришла вновь телеграмма. Капитан сообщал, что моряки свое обещание выполнили.

— В океане, аж за Африкой, наше село известно. Во как! — хвастал старик Опенкин. — А все мой Лентя.

С землей связан и второй случай. Произошел он с известным в стране генералом. Генерал родом тоже был из Березок. Узнав из газет о его шестидесятилетии, Лентя и генералу отправил землю.

Но тут мальчишку все отругали. Даже Савельев. Всем казалось, что генерал это воспримет как недобрый намек: мол, пора в отставку, а то и хуже.

И правда, вскоре пришел ответ: «Намек понял. Еду».

Все переполошились еще больше. Задаст генерал им жару!

Но опять результат оказался потрясающим.

— Спасибо. Намек понял, — повторил генерал, появившись в колхозе. — Виноват я перед Березками. Забыл, забыл про родное село. — И дальше стал говорить о том, что эта неожиданная горсть родной земли заставила его о многом подумать. И он лишь благодарен родным Березкам и всем за науку низко кланяется.

Посмотреть на генерала съезжались со всей округи. Ибо он действительно был очень известный. Считался гордостью не только Березок, но и всего района, и области, и всей страны.

Лентя вновь оказался героем.

А почему?

Потому, что любил он родную землю. И земля дарила его ответом.

ПРО САШУ, ГОРОХ И ДРУГОЕ

Земельный участок при школе вообще был местом прелюбопытным, хотя и земли-то в нем не больше гектара. Находился он тут же рядом со школой и был обнесен оградой. Если взглянуть на участок сверху, то это целый колхоз. Правда, в миниатюре. Высевалось здесь то же самое, что и на колхозных полях. Под зерновые культуры, под бобовые, под огородные — всему отводились свои делянки.

И, словно подражая во всем колхозу, здесь среди ребят тоже были и свои лучшие, и свои худшие. Лодыри тоже были. Но речь сейчас не о них.

Вечной соперницей Ленти была Саша Сорокина. И, хотя по характеру Саша была девочкой доброй и вовсе не вздорной, Лентя сразу же ее невзлюбил. Он очень жалел, что вообще на свет появилась Саша. И уж если так суждено, то лучше бы было ей родиться не у них, а где-нибудь подальше — через два, через три колхоза.

Возилась Саша, как и Лентя, на своем участке с утра до вечера. И хотя на патефоне она не играла, на дудках тем паче, урожаи у нее получались всегда диковинными.

Если Лентя метался из стороны в сторону: от репы к капусте, от капусты ко ржи, а затем опять к репе, то Саша из года в год занималась одним и тем же — растила горох. Разрастался он у нее на делянке, словно настоящие джунгли, и давал от года к году урожай все больше, выше всякой возможной нормы.

Лентя даже как-то в отместку Саше решил поубавить горох на ее участке. Обобрал он его изрядно. Горох был вкусным. Мальчик лущил его, словно белка. Кончилось тем, что Лентя трое суток из-за гороха страдал животом, а покражу даже Саша сама не заметила. Стручков на участке у Саши — тысячи.

Все сбегались смотреть на Сашин горох. Дважды приходила и Анисья Ивановна Сыроежкина.

— Ты первый кандидат в мою, огородную, — говорила она.

А ведь Саша была только в четвертом классе. Лентя и Саша, конечно, из лучших. Но и у многих других ребят участки тоже были совсем не плохие.

— Растет смена, растет, — говорил Савельев. — Вечный огонь. Не иссякает славное племя хлеборобов. Мал им участок, мал. Что им здесь — как телятам в загоне.

ЗАБАВА

Ничто не вызывало столько споров, порой насмешек, но зато и похвал, сколько участок Фомки Шишкина, младшего брата ракетчика. Фомка разводил на участке цветы, хотя, казалось бы, дело это девчачье.

Вот тут и начинались насмешки.

Больше других усердствовал Лентя Опенкин. Он бросал самое едкое, самое колкое: «Фомке достались штаны по ошибке».

Споры касались того, нужны ли вообще на участке цветы. На пришкольных участках выращивались сельскохозяйственные культуры. А какая же культура — цветы? Цветы — это просто забава.

— Ты бы лучше посеял укроп.

— Ты бы, как Лентя, возился с репой.

— Ты бы, подобно Саше, растил горох.

Однако Фомке цветы по душе. Возится Фомка зимой с горшками. А с самой ранней весны и до осени словно цепью прикован к своей

делянке. И о еде, и о сне забывает. И появляются на грядках у Фомки чудо-цветы.

Вот тут-то и начинается пора всеобщих похвал. Цветы у Фомки красивые-красивые и такие душистые, что пчелы по всей округе от этих цветов дуреют. Да что там пчелы — дуреют люди.

И все же смотрят в Березках на эти цветы как на причуду, как на забаву.

— Зря это вы, — как-то сказал Савельев. — Рожь рожью, лен льном. Но и цветы в нашей жизни — дело совсем не последнее. Лично я — за цветы, — подчеркнул председатель.

Фомка после этого только прибавил жару.

— Напрасно старается, напрасно, — все же по-прежнему говорили в Березках. — Не уедет он далеко с цветами. Это тебе не рожь.

И вдруг в областном городе была устроена выставка лучших цветов.

Савельев немедленно снарядил на выставку Фомку. Вернулся мальчик назад с дипломом. Все только разинули рты. Диплом — за цветы! А помимо диплома, Фомка Шишкин привез бумагу, и в бумаге было указано, что мальчик вывел какой-то особый сорт хризантемы. И этим хризантемам присвоено имя Фомки. «Сорт Шишкинский, первый» — так и стояло в бумаге. Первый — это означает, что за первым, видимо, будет еще и второй.

Фомка ходил именинником. Савельев был тоже очень доволен. Учитель биологии тоже доволен. Были довольны все.

Лишь Лентя один опечалился. Жалел очень Лентя: зря он тратил время на репу и сапропель. Надо было бы на хризантемы.

КУЗЯ С КЕККОЙ

Кузя — это, конечно, Кузьма. Кеккой называют в Березках Иннокентия. Кузя и Кека — родные братья. Братья они, двойняшки. Кузя старше Кеки на пять минут.

Различить близнецов почти невозможно. Ростом они одинаковы. Рубахи у них одинаковы. И глазами, и носами, и ушами ребята схожи.

Кеку с Кузей путают все в Березках. Где здесь Кузя, где здесь Кека — мать порой не разберет.

Если глянуть на Кузю с Кеккой — первый вывод: в глазах двоится.

Были для ребят в этой поразительной схожести свои удобства и свои неудобства. Напроказит где-то Кузя — бьют мальчишки, спутав, Кеку. Отличится в чем-то Кека — слава Кузе достается.

Так запутались в Березках с этим Кузей, с этим Кекой, хоть пиши им для различий на рубашках номера. Номер первый — это Кузя. Ну, а Кека — номер два. Порешили так в колхозе: чтобы не было ошибки, чтобы не было обиды, раз хвалить — хвалить обоих, раз ругать — ругать двоих.

В общем, Кузя вместе с Кекой, хоть и два их человека, превратились в одного.

Братья-двойняшки занимались разведением рыбы. Однако если Лентя — мальчик везучий, то Кузя с Кекой как раз наоборот. И главное, не по своей вине. Уж так складывались обстоятельства...

Разводили ребята рыбу в пруду, который находился рядом со школьным участком. Пруд был небольшим, но проточным. В ту пору Лентя еще не увлекался добычей ила. И пруд как бы стал личным владением Кузи и Кеки.

Рыбу предполагалось потом продать, а на вырученные деньги оборудовать при школе спортивную площадку: купить кольца, брусья, спортивного коня и даже, если рыбы окажется много и выручка будет приличной, оборудовать теннисный корт.

И вот, когда подросли в пруду караси и карпы и до заветной цели, казалось, уже рядом, неожиданно все рухнуло.

Было это еще задолго до приезда в колхоз Савельева. Как раз при председателе ссыльном, при Посиделкине, при том, который любил охоту и был доброты от природы редчайшей.

Узнал председатель, что в пруду развелись караси и карпы, немедля созвал гостей. Приехали машины из района, из области. Мальчишки и глазом моргнуть не успели, как спустил Посиделкин из пруда воду. Собрали гости Кузину с Кекой рыбу. И даже ребятам спасибо никто не сказал.

После этой истории появилась в Березках новая поговорка: «кузя с кекой». Употребляли ее тогда, когда во что-нибудь слабо верили. Так и говорили: «Из этого дела получится кузя с кекой», то есть ничего не получится.

МЯСО, ПУХ, ШКУРКИ

Кузя с Кекой были упорными. Потерпев неудачу с рыбой, ребята взялись за кроликов. И опять с той же целью: кроликов продать — оборудовать спортплощадку.

Начали Кузя с Кекой почти с ничего. С обычной кроличьей пары. Однако прошел месяц-второй — стало кроликов восемь: появился первый приплод. За первым пошел второй. Потом от приплодов пошли приплоды. За год развелось этих кроликов столько, что Кузя с Кекой и счет потеряли. Появилось у братьев с десяток помощников. Рыжий Лентя и тот старался. В спортивной площадке для школы заинтересованы были все.

Заветная цель вновь оказалась рядом. Но...

К этому времени Посиделкин из колхоза уже уехал. Появился у них Рысаков — тот, который все время соревновался с председателем соседнего колхоза «Дубки» Галоповым и бросил свой знаменитый лозунг «ноздря в ноздю».

Увидел Рысаков Кузиных с Кекой кроликов, ударил себя рукой по лбу, воскликнул:

— Идея! Мясо, пух, шкурки!

В это время колхоз «Березки» отставал от колхоза «Дубки» как раз по сдаче государству мяса. Распорядился Рысаков изловить всех до единого Кузиных с Кекой кроликов. Эти кролики и помогли Березкам догнать Дубки.

Ребят потрясла расправа с их кроличьей фермой. А поговорка «кузя с кекой» лишь еще больше утвердилась в Березках.

Роковое невезение с братьями случилось и в третий раз. Произошло это уже при председателе Лапоногове, перед самым приездом в село Савельева.

Началось с того, что, разочаровавшись в рыбе и кроликах, Кузя и Кека попросили выделить им полоску на пришкольном участке.

Рыжий Лентя тогда восстал. Предугадал мальчишка, что появление на пришкольном участке Кузи и Кеки лишь обернется для всех бедой.

Так оно и произошло.

Став с помощью голоса деда Опенкина председателем, Лапоногов тут же решил строить в Березках дом. Облюбовал он место как раз рядом со школой. Для строительства дома и для личной усадьбы председатель и урезал от школы добрую долю участка. И именно в той его стороне, на которой Кузя с Кекой получили свою полоску.

Люди в Березках совсем не суеверные. Но это сразило всех. На Кузю с Кекой стали смотреть с опаской.

— Может, вселился в мальчишек бес?

Кузя с Кекой сами перепугались.

Хорошо, что вскоре вместо Лапоногова приехал сюда Савельев.

Савельев школе участок немедля вернул.

ЯЛОВЫЕ САПОЖКИ

При Степане Петровиче школьный участок расширился, получил два дополнительных гектара. Во владение школы перешел и пруд, в котором Кузе с Кекой так не повезло с рыбой.

Мечта оборудовать школьную спортплощадку вспыхнула у всех с новой силой. Савельев сказал — поможет. Но не деньгами. Пусть ребята своим трудом сами заработают деньги на спортплощадку. А колхоз им посодействует через районных заготовителей сбыть все то, что вырастят они у себя на участке.

Ребята все, как один, взялись за дело. Отвели два новых гектара земли под горох и капусту. В пруду вновь развели карасей и карпов. Стали выкармливать двух хряков.

Доход оказался удачным. Вырученных денег для спортплощадки вполне хватило.

Школой были куплены и «конь», и кольца, и брусья, и спортивная лестница, и турник, и даже шест для лазания.

Неделю ребята готовили площадку, ровняли землю, вкапывали столбы, устанавливали спортивный инвентарь. А потом состоялось торжественное ее открытие. Большая часть села собралась тогда у школы.

Спортивными снарядами увлеклись все: и дети, и взрослые.

Вася-ракетчик блеснул на турнике. Даже крутил «солнце». Причем в обе стороны. «Солнце» — это значит на вытянутых руках обернуться вокруг перекладины. Павел Кобытов первым испробовал кольца. Зоотехник и дядя Гриша прыгали через «коня». Червонцев залез на брусья и, к удивлению всех, сделал отличную стойку. Вслед за Червонцевым поднялся на брусья Савельев. И у этого стойка вышла вполне приличной.

Дед Опенкин тоже полез на брусья... Но оборвался.

Больше всего народа толпилось около спортивного шеста. На самом его верху висели яловые сапожки — награда тому, кто окажется самым ловким.

Охотников попробовать силы и испытать счастья оказалось множество. Установилась целая очередь.

Никто из ребят не смог подняться выше половины шеста. Зоотехник доверху не долез двух метров. Павел Корятов — метра. Савельев и Червонцев, словно сговорившись, застряли на одинаковом уровне — метрах в трех от заветной цели. Ракетчик почти дотянулся до сапожек рукой. Но не тут-то было. Сил и ловкости не хватило. Под общий смех ракетчик спустился на землю с пустыми руками.

Дед Опенкин решил судьбу не испытывать — на шест не лазил, но стоял рядом, задрал голову вверх, и подбадривал каждого излюбленным криком:

— Газу, газу, больше газу!

Героем шеста оказался Лентя. Он повторил свой опыт с березой, то есть предварительно разбежался. Взмахнул на шест Лентя с быстротой изумительной. Тетке Марье даже на минуту показалось, что мальчишка лезет уже по небу.

Сапожки были на Лентю чуть велики. Но дед успокоил, сказал:

— На вырост.

Гуляние на спортивной площадке затянулось до позднего вечера. Расходились домой уже в

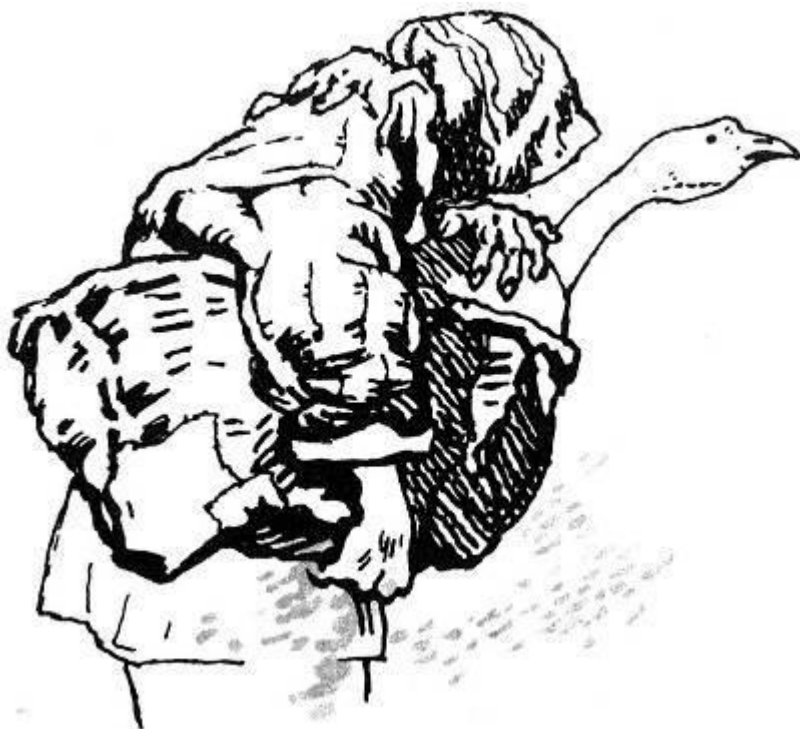
темноте. Получилось так, что, выходя с площадки, Степан Петрович оказался рядом с Анисьей Ивановной Сыроежкиной. Дороги к домам вели в разные стороны: ему налево, а ей направо. Председатель чуть замешкался, а потом тоже свернул направо.

Рыжий Лентя хотел окликнуть. Но дед дернул его за руку.

Догнал Степан Петрович Анисью Ивановну. Прошли они вдоль улицы. Потом спустились к пруду. Долго молча сидели на его берегу. Сидели, смотрели на воду, на рыбий всплеск.

— Да, вечный огонь, — наконец почему-то снова сказал Савельев.

Глава пятая

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

«ТЕТКА МАРЬЯ, ТВОЙ ЧЕРЕД!»

Плохо было в те годы со строительством новых домов в Березках. Многие избы перестояли, давно отслужили свой век. Скособочились многие, но все же чудом каким-то держались. То ли знали они, что смены им все равно не будет, то ли просто жалели своих хозяев.

Плотники появлялись в Березках лишь в первые дни после прибытия нового председателя. Председателю ставили дом. Каждому новый. По личному, значит, вкусу.

Отличались они от других домов. И выше, и лучше, и кровля другая. И места для них выбирались пригожие. Поднялись они над Березками, словно высотные здания.

Роптали, конечно, в душе колхозники. Но вскоре они заметили, что тут и для них есть прямая выгода.

При отъезде старого председателя освобождался, как правило, дом. И тут-то кто-то справлял новоселье, конечно, отбирались люди из самых в селе нуждающихся.

Установили негласно между собой колхозники для этого очередь. В числе нуждающихся находилась и тетка Марья.

Подшла ее очередь как раз к приезду Савельева.

— Ну, тетка Марья, твой черед! — говорили в селе, ожидая нового председателя. — Вот придет десятый, построит дом. Ну полгода, ну год от силы еще протянешь, а потом будут тебе хоромы.

— Дождалась, дождалась, — крестилась старуха. — Кто же будет у нас десятым? И где он построит дом? И какая крыша — черепица ли, шифер? Небось и веранда будет. Место бы ему подсказать. Пусть строит поближе к сельмагу. Ему все равно на полгода, на год, а мне ведь в том доме до самой смерти...

Десятым приехал Степан Петрович.

— Ну, тетка Марья, пиши пропало. Юкнул, считай, черед, — шутили теперь над старухой.

И все же старуха Маврина (это фамилия тетки Марьи) на чудо в судьбе надеялась.

— Пусть только построит дом, а там еще будет видно. Рано ли, поздно ли — должен же уехать.

Больше всего беспокоило тетку Марью то, что Савельев о собственном доме и вовсе пока ни слова. Живет председатель у деда Опенкина. Целыми днями все в поле и в поле. Не едут в село строители.

— Эка, какой нерадивый! — бурчала старуха. — Даже фундамент еще не вывел.

Решила она поторопить председателя с домом. Подкараулила как-то Савельева. Завела разговор о своем. Правда, не в лоб, а так, между прочим.

— Дом? — переспросил председатель. — К чему же мне дом? Я человек одинокий.

— Для виду, для весу, — наставляет старуха. — Оно и место можно найти завидное. — И тут же Степану Петровичу, мол, рядом с сельмагом, наискосок.

Усмехнулся Савельев.

— А ты относись по-серьезному, — опять о своем старуха. — Ты вовсе мужик не старый. Глядишь, и женишься. Детишки потом пойдут.

— Посмотрим, посмотрим, — кивает Степан Петрович. — Не будем с этим пока спешить.

— Эх, нехозяйственный человек, — сокрушалась тетка Марья. — И чего ему там хорошего, у деда того Опенкина?!

Ругает она Савельева.

А что же старухе делать? Если ее черед...

МИШАТКА

Семья у тетки Марьи одна из самых больших в Березках. Однако это только по счету ртов. У тетки Марьи тринадцать внуков. И, представьте, все мальчишки! Мишатка, Гаврюшка, Спирия, Лукашка, Фомка, Ванюшка, Петька, Генка, Капка, Филька, Митька и даже два Кольки. В общем, чуть ли не целый взвод, больше солдатского отделения. То-то будет мужчин в Березках.

Было у тетки Марьи четыре сына. Двое погибли на фронте. Двое вернулись назад. Женились. Но и у этих годы оказались не длинными. У обоих были ранения. Раны и скоротали их век. Оба досрочно сошли в могилы. Однако, словно выполнив последний солдатский долг, оставили бабке и всем Березкам на память тринадцать внуков.

Две невестки, тринадцать мальчишек, ну, и, конечно, она сама — вот какое семейство сейчас у Мавриной.

Мишатка в семье младший.

— Младшенький, — называет его старуха.

Мишатке четыре года. Любит тетка Марья своих бесчисленных внуков. Все для нее равны. Для всех одинаково: и ласка, и миска. И все же Мишатка — это Мишатка. Последний он — младшенький.

И вдруг заболел Мишатка.

Старуха места себе не находит. Тринадцатый он по счету — дурное для многих число. И старуха в «тринадцать» верит.

Тетка Марья поклоны земные била. Свечи ставила богу-спасителю. Священнику местному кур носила. И все молилась, молилась, молилась.

— Если помощь придет, так только она от неба.

Дело было как раз весной, в распутицу. Еще до того, как построили местную трассу.

Посылал Савельев машину в район за врачом. Застряла в пути машина. Снарядили трактор-тягач. Захлебнулся в месиве жидком трактор. Кони, как их кнутами ни били, через лог не хотели идти. Ни приехать из района сюда врачу, ни Мишатку отправить в район, в больницу.

Увядает совсем Мишатка.

Старуха, ну право, ума лишилась. То председателю бухнется в ноги:

— Степан Петрович, спаси!

То в церковь опять несется. Лбом ударяет в пол и руки тянет к всевышнему, к небу.

Помощь и вправду пришла оттуда.

Появился над Березками вертолет. Спустился по лесенке доктор. Выходил доктор Мишатку. Мишатка опять здоров.

Все знали, что Савельев куда-то звонил, говорил на высоких нотах и вертолета того добился. Старуха опять к председателю. Мишатку с собой ведет.

— Милый, спасибо! Родной, спасибо!

Улыбнулся Савельев, подхватил Мишатку на руки, подбросил высоко-высоко:

— Я ни при чем. Я ни при чем. Помощь пришла от неба.

ГУСЬ

— Вот ведь какой он мужик! — рассуждала тетка Марья о председателе. — Вот ведь какой он кладки!...

Решила тетка Марья Степана Петровича отблагодарить.

Гадала старуха долго: «Может, яичек ему собрать? Эх, и чего он мужик непьющий...» Маялась, маялась старая. Остановилась она на гусе.

Достала тетка Марья из сундучных глубин лучший свой сарафан. Нарядилась, взяла кошелку, посадила в кошелку гуся, чтобы не задохся, клювом наружу, и двинулась.

Уж насколько не терпела старуха деда Опенкина!... Полвека тому назад обозвал он ее нехорошим словом. Но здесь себя пересилила.

Шла с гостинцем Маврина не торопясь. И даже не самой ближней дорогой. Выбирала места полюднее.

Хотелось старухе, чтобы видели все, что она доброе дело ценить умеет. Смотрите, несет, мол, гуся. Даже гуся старухе не жаль.

Расчет ее оправдался.

Первым попался Пашка Кобытов:

— Тетка Марья, куда?

— До председателя.

Попалась Варвара Нефедова:

— Тетка Марья, куда?

— К нему, к благодетелю.

Увидел ее Червонцев:

— Марья Ильинична, куда ты такой красавицей?

Расплылась старуха в улыбке:

— К Степану Петровичу.

Степана Петровича дома не оказалось. «Может, оно и к лучшему, — решила старуха. — Будет, считай, неожиданность».

Дед Опенкин встретил тетку Марью приветливо. Более этого — радостно. Он и забыл уже, что было полвека тому назад. В Березках народ незлопамятный. Это лишь тетка Марья такая вредная: все обиды свои чуть не с пеленок помнит.

Крутился дед у избы. Тут и увидел гостью. Приосанился дед Опенкин и петушком, петушком:

— Голубушка! Марьюшка! Да ты-то совсем не старишься!

Дед в юности слыл ухажером. Да и сейчас он еще любезник. (Старуха у деда лет двадцать, как померла.) Но тетка Марья его обрезала:

— Не к тебе — к председателю.

От Опенкина она и узнала, что Степана Петровича дома нет.

Гуся дед принял. Сказал — передаст.

Вернулась старуха домой довольная. Едва скинула с себя сарафан, как тут примчался к Мавриной внук Опенкина, рыжий Лентя:

— Тетка Марья, зовет председатель.

Снова собралась старуха. «Человек он культурный, — рассуждала она по дороге. — Счел нужным вызвать для благодарности».

Но при встрече председатель ее огорчил.

— Ты что же это, Марья Ильинична? — тыкал он пальцем на гуся. — А ну забирай красавца. И чтобы подобного больше не было. — И потом уже мягче: — Марья Ильинична, не конфузьте меня. Не ставьте в глупейшее положение.

Обиделась тетка Марья:

— Эка мужик с норовом!...

А тут еще, когда возвращалась она домой, конечно, не длинной, а самой короткой теперь дорогой, вновь ей попался Корытов Пашка.

— Вьить!... — присвистнул паршивец Пашка. И состроил такую рожу, что старуха минут десять потом крестилась.

Этот проклятый Пашка и разнес по всему селу о великом ее позоре.

Задразнили старуху гусем.

А кто виноват? Он, председатель. Этот самый — десятый.

Решила тетка Марья, что не простит председателю нанесенной обиды. А уж обиды старуха помнила.

ПАШКА

Пашка Корытов такой непутевый, что иначе, чем «Пашка», Пашку никто не звал. Нет бы к нему с уважением: «Павел Васильевич», ну просто хотя бы «Павел», так вместо этого — «Пашка» и «Пашка».

В общем, на большее он не тянул.

Конечно, плевать бы на это Пашке. Ведь есть же у них в Березках Яшка Подпругин. Уж он-то Пашке совсем не чета. Яшке — за сорок, а

Пашке — двадцать. Так этот, представьте, Подпругин Яков, тоже все ходит в «Яшках». Хотя и женат, и детей имеет. Странно как-то порой бывает: один при отчестве с юных лет, другой в «Яшках» и «Пашках» до гроба ходит.

Итак, не переживал бы особенно парень, но... Через дорогу от Пашки Корятова жили Сизовы: Филипп Спиридоныч и Анна Кузьминична. Впрочем, вовсе не к ним у Пашки возник интерес. Дочка была у Сизовых — Лиза, Елизавета, Елизавета Филипповна.

Так от этой самой Лизы потерял Пашка покой и сон. В Березках девки вообще красивые. А уж эта, Сизова Лиза, просто царица, просто картинка, кинозвезда — не меньше.

Вот и вздыхает Пашка. Пашка в нее влюблен.

А есть ли ответ от Лизы? Трудно пока сказать. Только прекрасно известно в Березках, что это прилипшее к Пашке «Пашка» Лиза терпеть не может. И Пашка об этом знает.

Парню помог бригадир Червонцев. Забрал он Пашку к себе в бригаду. Ходил тот вначале в прицепщиках, а потом пересел на трактор.

И вот тут-то для всех неожиданно кончился «Пашка», как таковой. Правда, не сразу, не словно в сказке, а так, как в жизни порой бывает.

Во время жаркой весенней пахоты Пашка стал обгонять других. Сто пять, сто десять, сто двадцать — и вот уже двести процентов от нормы. А дважды выдал даже тройную норму.

Червонцев первым Пашку тогда хвалил. Он первым сказал и «Павел». Потом в бригаде все реже — «Пашка», все чаще — «Павел». Из бригады цепочка пошла в село.

— Павел, куда идешь?

— Павел, зашел бы в гости.

Даже между собой, говоря о парне, люди теперь называют его не иначе, как «Павел».

И главное, трудно вернуться назад, слово «Пашка» ухо теперь всем режет.

Да и как же называть Корятова Пашкой, если в труде он теперь прославлен?

На общем колхозном собрании, посвященном окончанию пахоты, отмечая лучших людей колхоза, председатель Степан Петрович назвал Корятова даже «Павел Васильевич».

Пашке это самое «Павел Васильевич» в данной с Лизой его ситуации казалось превыше, чем высший орден.

Ну, а как же все-таки с Лизой? Кажется, все обстоит хорошо. Павла Корицова дважды видели с ней на улице.

АЛЕКСЕЙ ВЫРИН

Червонцев дружил с Алексеем Выриным. Однолетки они. Вместе мальчишками бегали. Вместе ушли на войну.

Вернулся Червонцев — вся грудь в орденах. Невредим, не калечен, не ранен.

Вырин стал инвалидом. Потерял он ногу в боях за Днепр. На рубахе у Вырина — пусто.

— Не повезло тебе, Лешка, не повезло, — говорил дед Опенкин. — И награда тебя обошла. И, конечно, нога деревянная вовсе не та нога. Оба мы с тобой невезучие, — вспоминал старик свой подвиг в местных болотах. — Ух и страху я тогда натерпелся! — признавался Вырину дед. — А ведь тоже оставили без медали.

Почему обошла награда Вырина, пожалуй, странно. При переправе через Днепр, когда наши войска обходили Киев с севера, в районе села Петривцы сержант Вырин в числе первых высадился на занятый фашистами берег. Командовал он отделением в пять человек. Солдаты укрепились на малой полоске земли и приняли тяжкий бой. Когда подошла подмога, от выринской пятерки никого не оказалось в живых. И лишь потом, каким-то чудом какая-то бойкая санитарка в сержанте, присыпанном землей, обнаружила признаки жизни. Его срочно переправили в тыл. Пробыл солдат несколько месяцев в госпиталях. После чего и вернулся в Березки.

Около года пробыл Вырин здесь председателем. Потом после войны его заменили. Получал Вырин небольшую солдатскую пенсию и чем мог помогал колхозу.

Вырин в Березках столярничал, плотничал. Работу свою любил. Многие крылечки в Березках, резные наличники, коньки на крышах — это все дело рук Алексея Вырина.

Станный он в чем-то был человек. Денег за работу не брал.

— Дурной ты какой-то, Лешка, — говорил дед Опенкин.

— В деньгах ли, Лука Гаврилыч, дело. Пенсия есть. Хватает. Нам бы избы новые ставить. Вот тут бы я развернулся!...

Дед посматривал на деревянную ногу Вырина, как бы собираясь сказать: «Ну куда тебе ладить избы?» Но вслух этого не произносил.

Была у Вырина и еще одна привязанность — дети.

Мастерил бывший солдат для ребят игрушки. Особенно ловко коней выстругивал. Были они словно живые. Черные, пегие, в яблоках. Красил их Вырин.

Своих детей у Алексея Вырина не было. Жил с женой одиноко. Раздавал он игрушки колхозным ребятам. Делал это под Новый год и обязательно каждому ко дню рождения. Знал всех детей наперечет и, главное, точно помнил день, в который каждый из них родился.

И рыжий Лентя, и Фомка Шишкин, и Кузя с Кекой, и Саша Сорокина, и все другие ребята души не чаяли в Вырине. Взрослые тоже его любили.

— Золотой человек, бессребреник, — говорили о нем в Березках.

ИНСТИТУТ

Сельский всезнайка Федор Кукушкин и вправду Всезнайка.

Чего этот Федор только не знал! И как устроен реактор атомный, и что за наука гляциология — наука о вечных льдах, и чем прославился тридцать веков назад Рамзес — фараон египетский. Ну прямо профессор, кандидат всех известных на свете наук!

К Всезнайке ходили с любым вопросом, и не было случая, чтобы Всезнайка ответа тебе не дал.

И даже когда дед Опенкин хотел посадить его в лужу и вылез с очень ехидным вопросом: «Что появилось раньше на свет — яйцо или курица», — на этот вопрос и местный священник не мог ответить, — то Федор Кукушкин тут же при всех прочитал ему целую лекцию.

— И то и другое состоит из материи, — говорил Всезнайка. — Материя — продукт есть первичный. Она лежит в основе всего: и живого, и мертвого, и камня, и курицы, и яйца, и даже деда Опенкина.

И следом, подробно — минут на пятнадцать — стал растолковывать всем об этой самой материи. Все увлеклись. Ехидный вопрос старика провалился.

К тому же таким обилием знаний Кукушкина теперь и Опенкин был потрясен и даже придавлен, ибо чего уж никак дед не ожидал, так это того, что он, Лука Гаврилыч Опенкин, и какая-то, простите, дурацкая курица из одной и той же материи сделаны.

Дед после этой беседы год косился на местных кур и теперь их не может есть.

Савельев тоже не раз с различными справками обращался к Кукушкину, а однажды сказал:

— Тебе бы, Федор, учиться, в институт бы с твоей головой.

Федор и сам о том же мечтал. Но...

Трижды ездил Кукушкин в областной город сдавать экзамены в институт и трижды ни с чем возвращался. Немел на экзаменах бедный Кукушкин. Робкий он был по характеру. Терялся среди городских, незнакомых.

Узнал о неудачах Феде Савельев и понял, конечно, причины. Нет же других причин. Кукушкин по уму самородок. Такому — дорогу в науку.

И вот, когда вновь подошла пора приемных экзаменов, Степан Петрович вызвал к себе Кукушкина и сказал:

— Поезжай!

А Федор в четвертый раз уже и не думал пробовать счастья.

— Поезжай, — повторил председатель. — Поддержим.

И поддержал. И вот каким необычным способом.

В дни, когда проводились экзамены, Савельев брал деда Опенкина, Нюту Сказкину, Павла Кобытова, садился с ними в машину и ехал в тот институт — как раз по новой отличной трассе.

Добился Савельев права присутствовать им на экзаменах как представителям от колхоза.

И на экзаменах было чудо. Смотрел Кукушкин на близкие лица — на Нютку, на Павла, на деда Опенкина, — и в ту минуту словно крылья у него отрасли.

Прошла у Кукушкина робость. Поражал он людей ответами. Даже сам директор института руками при всех разводил.

«Откуда такие берутся?» — как бы хотел он задать вопрос.

«Из наших Березок», — сказал бы Савельев.

«Из наших Березок», — сказала бы Нютка.

«Из российских, считай, глубин», — ответил бы дед Опенкин.

Федор Кукушкин идет на «отлично». Теперь он на третьем курсе. Вскоре и вовсе получит диплом.

БЕРАНДА. МАНСАРДА. ВОДОПРОВОД

Размечтались в тот день на колхозном правлении. Когда кончились вопросы текущие: о ремонте моста через речку, о неполадках с вывозом в поле химических удобрений, о выдаче колхознице Василисе Коровиной ссуды в размере пятидесяти рублей и разные прочие сельские мелочи, отложил Савельев бумаги в сторону, посмотрел на членов правления.

— А теперь, — заявил, — поговорим о делах приятных.

Завел Савельев беседу о том, что обветшали в Березках избы. Кроме известных в селе «небоскребов», остальные домишки, в общем-то, дрянь. Пора думать о новом виде села, и прежде всего — об удобных домах для колхозников.

Вот какими представлялись дома Савельеву.

— Будут они из камня, — говорил председатель. — Будет в них ванна, водопровод и все прочее, чтобы в мороз и стужу по разным понятным делам в огороды не бегать. Правда, силенки пока у колхоза не те, чтобы сразу много воздвигнуть таких домов. Но и Москва ведь не сразу построилась.

Для начала Степан Петрович предлагал утвердить расходы на первый дом. Тут, пожалуй, колхоз осилит.

— Будем считать экспериментальным, — сказал председатель. — Для пробы.

Увлёк Савельев членов правления. Утвердили они расходы.

Узнала о доме старуха Маврина.

«Эка, хитрый какой мужик! — стала думать о Степане Петровиче. — Вот он дом почему не строил. Ждал, чтобы подбить под каменный». Тетка Марья все еще не могла простить председателю истории с гусем.

И вот вырос в Березках кирпичный дом. Игрушка, мечта, загляденье! Словно явился из дивной сказки. Черепичная крыша. Трубы для стока воды. Веранда. Мансарда. И как было тогда обещано: ванна, водопровод. И главное, рядом с сельмагом. Через дорогу, наискосок.

Ходила старуха к дому. Посмотрела, поохала.

— Эка, ловкий какой мужик! — опять помянула Савельева. — Тихий, тихий, а всех обошел.

И вдруг:

— Тетка Марья, тетка Марья, тетка Марья, беги в правление.

Струхнула старуха: «За какие такие грехи? Налоги сполна уплачены. С трудоднями не хуже других. Бригадиру, кажись, не перечила».

Побежала она на вызов. Но, чем ближе к правлению, тем тише идет старуха: «Ой, не к добру. Вот и сон намедни недобрый видела».

И вдруг повстречался ей Павел Кобытов:

— Да что ты плетешься, старая? Тебе бы лететь на крыльях.

И тут же попалась соседка Варвара Нефедова:

— Ты в ноги ему за это.

И следом Иван Червонцев:

— Поздравляю, Марья Ильинична. Рад за тебя, Ильинична.

— Ась? — не поняла старая.

— Беги же быстрее в правление. Забыла, что ли, про свой черед!

Ахнула старая, ойкнула старая, подкосились у старой ноги. Неужели свершилось чудо? Ущипнула старуха себя за руку: может, заснула она на печке и это снится ей сладкий сон.

Рванулась старуха к правлению. Чуть не вышибла в спешке двери. За столом заседает правление.

Улыбается ей Савельев:

— Поздравляем, Марья Ильинична. Ждем новоселья, Марья Ильинична. Готовьте столы для гостей, Ильинична.

ВИКТОРИНЫ

Народ в Березках не то чтобы верующий. Скорее, наоборот. Однако в церковь иные ходят. Больше просто так, для развлечения. В другое место пошел бы, да некуда.

Правда, при Савельеве тяга к церкви заметно пала. Увлечлись в Березках землей и полем. Помогла и новая трасса. И в район теперь можно в любую погоду съездить в районный клуб, в кинотеатр. И даже добраться до города. По трассе ходил автобус.

Короче, у священника Ненарокова, или отца Зиновия, дела в приходе ухудшились.

Отец Зиновий окончил духовную академию. В Ленинграде, в советское время. Понял священник, что тут, помимо призывов, нужны и конкретные действия.

Начал Ненароков с ребят. Придумал для них викторину, то есть разные вопросы, на которые нужно уметь верно ответить. Вопросы были не только чисто духовные, но и светские. Чередовались. К примеру: когда запущен первый советский спутник? Чем известен апостол Павел? Сколько больших строек в Сибири? За что был распят Христос? И по такому принципу далее.

За правильные ответы засчитывались очки. Кто больше набирал очков, тому выдавалась премия: свистулька, пистолет, набор цветных карандашей.

Каждый месяц вопросы обновлялись.

Ребята клюнули. Многие даже забавы свои забросили. Ради этих свистулек и карандашей да и вообще потому, что это было как соревнование, всем интересно, к Ненарокову ринулись.

Сельские комсомольцы было обратились с протестом к священнику. Тот выслушал и спокойно ответил:

— Противозаконных деяний тут нет. Да и вопросы не только духовные. Я же за широкое просвещение детских умов. Доброе дело делаю.

Такие же викторины стал проводить Ненароков и среди сельских девчат. Вопросы те же, награды другие: пара чулок из капрона, капроновый шарф, флаконы духов, и обязательно тех, которых у них в сельмаге умри — не достанешь.

Нашлись, конечно, иные. Тоже, как дети, бросились.

Секретарь комсомола Дуся Сорокина чуть ли не плакала от этих затей. Возненавидела люто и батюшку, и его викторины. Собрала она комсомольский актив, явились они к Савельеву. Все в один голос: беда от викторин. Как отучить ребят и девчат от этой заразы?

— Нет, вы не правы, — ответил Савельев. — Викторины — дело хорошее.

Дуся Сорокина даже обиделась.

— Тут клин клином — лучший рецепт, — сказал председатель. — На викторину — свою викторину. Только получше ее составьте. Да побольше вопросов по спорту, кино, а для пользы общего дела — по сельскому хозяйству и биологии.

Составили комсомольцы свою викторину. Председатель из средств колхоза тоже ввел премии: те же пугачи и свистульки, раз так на эти штуки ребята падки. Но главное, для того, кто лучшим окажется в трех викторинах, тому был обещан велосипед.

Вот тут-то и попал председатель в точку. Из-за этого велосипеда мальчишки просто с ума посходили. Засели за книги. А потом отвечали на все вопросы, словно студенты Сельскохозяйственной академии.

Велосипед достался Кольке Маврину, старшему внуку тетки Марьи.

Ненароков был со своими викторинами бит, и своим же оружием.

Правда, кто-то сказал:

— Тут Савельеву повезло. Не додумался батюшка. А если б и он ввел велосипед?

На что Савельев ответил:

— А мы бы ввели автомашину. А мало автомашин — так лайнер «ТУ-104». У нас же колхоз, — говорил председатель. — С нами ль одиночке тягаться?!

С девчатами было проще. Тут премий председатель не устанавливал. Просто собрал он их и отчитал и за духи и за капроны так, что те едва со стыда не сгорели.

Но главный вывод, который сделал Савельев, — надо срочно строить в колхозе клуб.

КЛУБ

Клуб в Березках был. И даже имел крышу. Правда, худую. Развалюха эта — некогда дом раскулаченного и сосланного на Соловки (не без участия деда Опенкина) местного мельника Фомы Белова — так и называлась: клуб. Но это одно и то же, что пескаря величать осетром.

Холод зимой здесь стоял, хоть волков трави. В дождь клуб напоминал открытые трибуны стадиона — сиди хоть с зонтом. А так как в Березках зонты были не популярны и клуб все-таки не стадион, то в дождь здесь можно было встретить одних лягушек. И лишь в ведро, то есть в хорошую погоду, удавалось в клубе сидеть спокойно. Но в ведро лучше на улице.

В клубе проводили общие колхозные собрания да нет-нет устраивали демонстрацию кинофильмов. Эти демонстрации в колхозе называли «кино». И в прямом и в переносном смысле.

Ленты рвались. Бывало и так, что механики путали киночасти: погибший герой вдруг оживал, спасенные от кораблекрушения вновь оказывались в воде и происходили разные прочие кинотрюки.

— Кино! — выкрикивал дед Опенкин.

А тетка Марья украдкой крестилась, ибо вначале все принимала за истину, не зная, что путали части.

Клуб в Березках заменяла изба Глафиры Носиковой, где устраивались сельские посиделки. За право входа Глафира взымала плату. С парней — по десять копеек, с девчат — по пятаку. Деньги брались под видом расходов на электроэнергию. В избе было тепло. Играл баян. Молодежь танцевала.

Однако после того как Глафира попала в заключение, не стало и этого.

Савельев мечтал о настоящем, хорошем клубе. Теперь, когда дела в колхозе заметно поправились, можно было об этом мечтать реально.

На специальном собрании обсуждали, каким представляется колхозникам клуб.

Нютка Сказкина записывала поступающие предложения.

Неслись голоса:

— Строить, так с паровым отоплением.

— Чтоб было как в городе: в рядах откидные сиденья.

— Пианино надо купить, пианино. Пусть дети музыке учатся.

— Тише! — призвал к порядку Савельев. — Вносить предложения только поднятием рук.

Тут же взлетели руки. Предложения поступали и поступали. И чтобы при клубе был духовой оркестр, и тихая комната для чтения газет и журналов, и зал для занятий по поднятию тяжестей (на этом настаивал дядя Гриша), и даже бассейн, и даже буфет при клубе.

— А в нем мороженое! — выкрикнул дед Опенкин. Ребята тоже принимали участие в этом собрании. Рыжий Лентя стал разглагольствовать про зимний сад и чуть ли не про африканские пальмы, которые, если о том попросить, привезет к ним в Березки их знаменитый капитан-рыбак из своих дальних заморских плаваний. Дед Опенкин и тут не сдержался:

— Верно! Даешь африканские пальмы!

— Эх, Лукашка, мало, что ли, тебе берез! — бросил старик Празуменщиков.

— Хви! — огрызнулся Опенкин.

— Тише, тише, — сказал Савельев.

Кузя с Кекой предложили для клуба купить аквариум. В конце собрания Савельев глянул на Нюткин список:

— Да тут хоть три клуба строй!

Отобрали, конечно, самое главное. С бассейном, зимним садом и буфетом решили повременить.

Когда строили клуб, больше всех отличился Алексей Вырин. Был отмечен и Павел Корытов. Лиза Сизова тоже.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Клуб в Березках открыли к Первому мая. А еще через несколько дней — девятого мая — в том же клубе отмечали и День Победы. Уже несколько лет проходил этот день в Березках незамеченным. А тут даже сам военный комиссар приехал в село из района.

Доклад сделал Савельев. Кратко сказав о ходе войны и всемирном значении нашей победы, председатель вдруг заговорил о Березках. Он стал поименно вспоминать чуть ли не всех, кто ушел на войну из колхоза. И тех, кто погиб, и тех, кто вернулся домой невредимым, хотя бы и без особых наград и отличий. Называя фамилии, Савельев тут же сообщал, где, на каких фронтах люди сражались и какой они внесли вклад в общее дело разгрома фашистов.

Доклад поразил всех. Бывали у них доклады. Но так, чтобы вспомнить простых солдат да еще знать, где каждый погиб и в чем отличился... Нет, такого доклада в Березках не было.

И вот оказалось, что из березкинских жителей под Москвой сражалось двенадцать, четверо было убито. Под Сталинградом убито шестеро, сражалось четырнадцать. Далее были и Курск, и Орел, и Крым, и Одесса. Польша, Белград, Будапешт. Где только не были жители этих Березок! На каких рубежах не стояли они за страну! И даже один из них, бежавший из фашистского плена к французам, похоронен в неблизком Париже на знаменитом кладбище Пер-Лашез.

— Это там, где в тысяча восемьсот семьдесят первом году буржуи расстреляли героев Парижской коммуны, — шепнул деду Опенкину сидящий рядом с ним Колька Маврин, старший внук тетки Марьи, тот, которому за правильные ответы на викторинах достался велосипед.

Глянул дед Опенкин на Кольку, понял: новый всезнайка в селе растет.

Особенно подробно Савельев говорил об Алексее Вырине и о его подвиге на Днестре в районе села Петривцы.

Вслед за Савельевым на трибуну вышел районный военный комиссар. Он достал из папки какую-то бумагу, сказал:

— Прошу внимания, — и стал читать: — «Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических республик... За подвиг, проявленный в годы Великой Отечественной войны, наградить орденом Отечественной войны первой степени...» — Комиссар сделал паузу.

Все замерли. Кроме Опенкина.

— «...Вырина Алексея Поликарповича», — закончил чтение комиссар. И тут же добавил: — Разрешите награду вручить герою.

Вот это да!

От растерянности Вырин не знал, что делать. А потом, когда его вызвали на сцену и комиссар прикрепил к его груди орден, снова не знал, что делать.

Но вдруг Вырин пришел в себя, вытянулся по-солдатски — руки по швам, деревянную ногу приставил поближе к здоровой, казалось, даже стукнули солдатские каблуки, и произнес:

— Служу Советскому Союзу!

Люди захлопали бурно в ладони.

Кто-то крикнул:

— Слава герою!

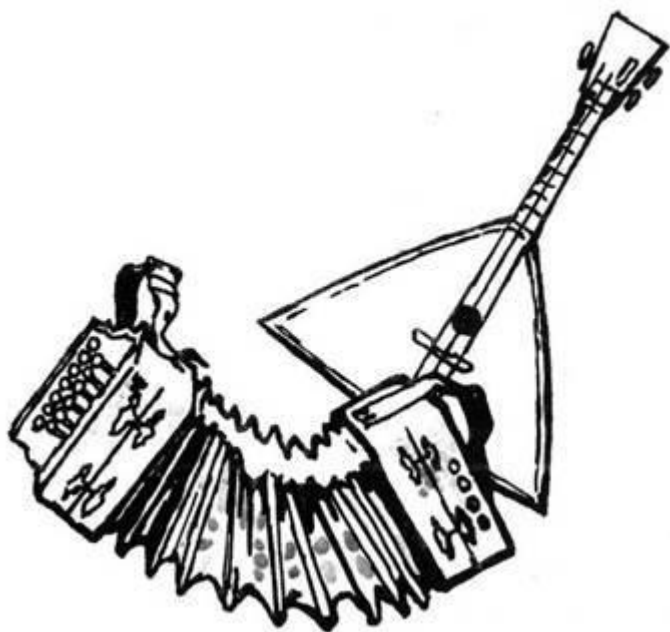
Вырин смутился и стал быстро спускаться со сцены. Но это лишь вызвало новые аплодисменты.

Оказывается, к награждению боевым орденом сержант Вырин был представлен еще тогда, много лет назад, сразу же после окончания боев за Киев. Однако награду считали посмертной. Не знали, что жив солдат. И вот только теперь орден нашел героя.

— дождался ты, Лешка, дождался, — говорил дед Опенкин в тот вечер колхозному плотнику. — А все он, Савельев. Он докопался. И я, — добавил старик. — Я письма носил на пошту.

Потом дед стал вспоминать свое. Свой случай тогда в болоте.

— Может, и меня медаль дожидается. А?

Через месяц в том же клубе играли колхозную свадьбу. Павел Кобытов женился на Лизе Сизовой.

— Горько! — несло в поля.

— Горько! — несло в леса.

— Горько! — летело в небо.

Глава шестая

БОЕВАЯ МЕДАЛЬ И ДРУГИЕ ПОЧТИ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

КОВАРНАЯ БОЧКА

При Савельеве, после большого перерыва, вновь установили в колхозе Доску почета. Порядок ввели такой: вывешивать портреты тех, кто выработает не менее трехсот трудодней.

Но тут не обошлось без курьеза.

Дядя Гриша, муж тети Лизы, тоже загорелся желанием попасть на Доску почета. Даже ездил в райцентр — заблаговременно сфотографировался.

Захотелось дяде Грише наконец сравняться с женой. И хоть раз в жизни увидеть свою фотографию на почетном месте. Рассчитывал дядя Гриша и на то, что таким образом он сможет попасть и в газету, хотя бы в районную.

Когда подвели итоги, выяснилось, что у дяди Гриши не хватает одного трудодня. Оказалось, их у него всего 299. Дядя Гриша заставил трижды пересчитывать свои трудодни. Но итог получался все тот же. Бедняга чуть не расплакался.

Многим было обидно за дядю Гришу, так как все знали, что работал он честно и не ради большого заработка, а именно ради Доски почета.

Все осложнилось тем, что было уже тридцать первое декабря, и к тому же вторая половина дня. Заработать дополнительный трудодень в этом году казалось уже невозможным.

И вот тут-то Червонцев вспомнил, что брали они для своей бригады в долг у трактористов из колхоза «Передовой» бочку машинного масла. Долг могут теперь вернуть. Так вот: если дядя Гриша желает, пусть отвезет в «Передовой» масло. А за это и припишут ему трудодень.

Дядя Гриша повеселел:

— Я живо, я живо!

С прытью редкостной запряг он коня. Положили на санки бочку. Даже дед Опенкин и тот помогал.

Выпил дядя Гриша на дорогу стакан вина. Закутался в тулуп. Поехал.

Дорога в «Передовой» дальняя. Тянется она через соседние колхозы «Дубки» и «Грибки». Идет то полем, то лесом, дважды через овраг и уже у колхоза «Передовой» через речку Песчинку, как раз в том месте, где впадает в Песчинку их березинская Переплюйка.

В Дубках у дяди Гриши жил кум. Заехал дядя по дороге к куму. Рассказал ему, что едет в «Передовой» и почему. Похвастал про Доску почета. Пригласил, чтобы кум приехал посмотреть на его фотографию.

Выпили они в честь успехов дяди Гриши по стакану вина. Расцеловались. Поехал дядя Гриша дальше.

Приехал в Грибки. В Грибках у дяди Гриши жил свояк. Заехал дядя к свояку. Рассказал, что едет он в «Передовой» и почему. Похвастал про Доску почета. Пригласил, чтобы свояк приехал посмотреть на его фотографию.

Выпили они с дядей Гришей в честь его успехов по стакану вина. Расцеловались. Поехал дядя Гриша дальше.

Ехал, ехал и задремал. Дорога пустынная. Вечер. Да и вино, видимо, подействовало. На каких-то ухабах санки дважды подбросило. И один раз даже сильно. Но дядя Гриша не проснулся, лишь буркнул что-то во сне.

Приехал он в «Передовой», глянул — нет бочки.

Поводил дядя Гриша ошалело глазами и понял: случилась беда, потерял он дорогой бочку.

Развернул растяпа коня, помчался быстрее назад. В одном из оврагов и увидел пропажу. Вдохнул облегченно. Но, подъехав ближе, всмотрелся и ахнул. Вокруг бочки темное море. Видимо, во время падения вылетел из ее горловины кляп — вот и вышло почти все масло наружу.

Поохал дядя Гриша, поохал, взгромоздил бочку опять на сани. Стал думать, куда же ехать: в «Передовой» или назад в Березки?

Решил: «Поеду в «Передовой». Может, там не заметят и бочку примут?»

И верно. Не заметили. Прибыл дядя Гриша из-за своих задержек почти к встрече Нового года. Возиться с бочкой никто не хотел. Даже визитера за поздний приезд ругнули. Но дядя Гриша сам вызвался закатить ее на склад. А когда катил, нарочно кряхтел и приговаривал:

— Тя-яжелая...

На следующий день портрет дяди Гриши повесили на Доску почета. Первое и второе января были счастливейшими днями в его жизни.

Дядя Гриша с утра до вечера топтался около доски. И сам смотрел на себя, и проверял, многие ли люди подходят, и многие ли именно на его портрет смотрят.

А вечерами, сидя в избе, прикидывал, сколько ждать той минуты, когда наконец появится в газете о нем статья.

Статья появилась на третий день. Называлась она «Растяпа на пьедестале». Это был занозистый фельетон об истории с бочкой.

Портрет дяди Гриши с Доски почета немедля и безжалостно сняли.

После случая с дядей Гришей Савельев предложил внести некоторые поправки в порядок помещения портретов на Доску почета. Отмечая лучших, принимать во внимание не только количество выработанных трудодней, но и качество самой работы.

За погибшее масло с дядя Гриши удержали двадцать два трудодня.

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

Прошел год, и вернулась в Березки Глафира Носикова. Отбыла свой срок в заключении.

Глянули люди — глазам не поверили. Думали, вернется Глафира похудевшей, притихшей. Собирались ее пожалеть. Однако Глафира сияла как медный таз. А главное, наряд на Носиковой был такой, каких и в районе не носили, и в области, видимо, тоже. Приехала Глашка во всем необычном.

— Париж! — тыкала она на этикетку, выворачивая пальто.

— Лондон! — поводила плечами, чтобы люди со всех сторон могли рассмотреть ее новую кофту.

— Рио-де-Жанейро! — показывала на какие-то замысловатые туфли.

В Березках лишь ахали. Казалось, что не в заключении была Глафира, а совершила кругосветное путешествие. Пошли робкие голоса:

— Да где ж ты была?

— Откуда такие обновы?

— Там была, куда и услали, — зло отвечала Глафира. Оказывается, дело было в простом. Проработала Глафира год на дальних лесных разработках. За труд получила деньги. Возвращаясь домой в Березки, по дороге остановилась в Москве. Здесь и приделась.

Вернувшись домой, Глафира повела себя по-прежнему. И даже хуже.

Ну, решили в Березках, не будет теперь никому от Носиковой жизни. Особенно деду Опенкину за его решивший тогда все дело голос.

Но все глубоко ошиблись.

Жизни не стало не деду от Глафиры, а Глафире — от деда.

Все началось с их первой встречи.

— Приветик, мальчик! — сказала Глафира. — Ну как, все держишь хвост пистолетом?

Старик окаменел. По-всякому называли деда, даже «сивый мерин», но «мальчиком» — впервые. Лицо у Опенкина вытянулось.

— Ну и фотография... — расхохоталась Глафира.

Дед понял, что речь идет о его лице, не выдержал, взвизгнул:

— Хви!

Глашка еще больше расхохоталась. Тогда старика прорвало.

— Ты на испуг не бери! — кричал он на Носикову. — Урка несчастная! Да я... Да мы... Мне бы в руки тебя... Да я из тебя... У-у!

От такого наскока даже Глафира попятилась.

— Слыхал, слыхал о твоём разговоре с Глафирой, — сказал вечером Савельев деду Опенкину. — Ну что же, если не помогли полностью лесные разработки, возьмемся сообща в Березках. Вот что, Лука Гаврилыч, поскольку инициативу ты уже проявил, — Савельев слегка улыбнулся, — назначаю тебя ответственным за трудовое довоспитание колхозницы Носиковой.

Дед поначалу хотел отвертеться. Но слово «ответственный» его соблазнило. Приступил старик к делу. И, надо сказать, проявил полное усердие.

В четыре утра дед Опенкин уже стучался в двери избы Носиковой.

— Выходь, выходь! — выкрикивал дед.

Гонял он Глафиру на самые неприятные работы: чистить свинарник, вывозить на поля навоз, вычесывать блох из овец. Причем приговаривал:

— Вот тебе и твое Жанейро!

Глафира огрызалась, но работала.

Конечно, дело было далеко не в одном только деде Опенкине. В Березках многие взялись за Носикову. А главное, изменились и сами Березки. В селе клуб. Никому уже не нужна изба Глафиры для посиделок. Денег в долг у нее тоже никто не берет. Завели в колхозе кассу взаимопомощи.

Вскоре после приезда Носиковой вернулся в село и Степан Козлов. Этот прибыл без шума, без крика. Подал заявление с просьбой снова принять в колхоз. Видать, несладко пришлось ему вне дома.

Савельев Козлова не корил, ни о чем не расспрашивал. Определил его на колхозную ферму, в распоряжение Нютки Сказкиной.

«ПРИВЕТИК!»

С легкой руки Глафиры привилось в Березках слово «приветик». Первым заразился, конечно, дед Опенкин. Употреблял его дед к месту и не к месту, нужно и не нужно. Кого ни увидит, кричит:

— Приветик!

От деда слово перешло к рыжему Ленте. От Ленти — к другим ребятам. В школе начался переполох. Стали учителя бороться с этим проклятым словом, но кончилось тем, что только сами же его переняли.

Постепенно эпидемия распространилась на весь колхоз. Не устояли ни Червонцев, ни зоотехник, ни тетка Марья. Младенцы и те кричали:

— П-иветик!

Савельев тоже не избежал общей участи. Являясь в бригады, первое, что говорил:

— Приветик!

Уезжая из бригад, опять говорил;

— Приветик!

Он даже нового секретаря районного комитета партии, впервые приехавшего к ним в колхоз, и то встретил привычным:

— Приветик!

Секретарь с немалым удивлением посмотрел на председателя. И решил, что имеет дело с человеком не очень серьезным. Не скоро Савельеву удалось доказать обратное.

Правда вернувшись к себе в район и встретив своего заместителя, секретарь и сам попался на том же слове.

— Приветик! — сказал секретарь.

Полгода продолжалась в Березках завезенная Глафирой эпидемия. Потом эпидемия сама собою прошла.

ПЕНСИЯ

В этот день дед Опенкин еще с обеда стал выглядывать в окно. Интересовался, не идут ли люди в клуб. Собрание было назначено на шесть часов вечера, но деду уже с утра не терпелось.

День и вправду был особенным. Березкинские старики выходили на пенсию. Этому и посвящалось собрание. Пенсии в Березках вводились впервые. Раньше о таком и мечтать было нечего.

— Неплохое дело пенсия, неплохое, — рассуждал дед Опенкин. — И работать не надо, и деньги идут.

Знал старик, что положили ему пенсию в размере двенадцати рублей в месяц.

— В год получается сто сорок четыре, — прикидывал дед Опенкин. — Ну что же, ружье куплю, на зайцев ходить буду.

В клуб старик явился с таким расчетом, чтобы не выглядело, что пришел первым, но так, чтобы и последним не оказаться.

Стариков разместили с уважением — в первом ряду. А тетка Марья даже была приглашена в президиум. В президиуме был и представитель из района. Но не тот, не старый знакомый деда Опенкина. А новый. Совсем еще молодой.

Все было хорошо. И все же в душе у старика копошилась тревога. Смутил его дед Празуменщиков. Вернее, не сам Празуменщиков, а разговор, который шел по селу. Говорили, что Празуменщиков собирается отказаться от пенсии. А почему — никому не известно.

«Если Никишка откажется, — рассуждал дед Опенкин, — то обойдет меня, выйдет, хитрец, на первое место». Борьба между стариками даже при Савельеве не утихала.

На собрании выступали многие. И Нютка Сказкина — от комсомольцев. И Саша Сорокина — от пионеров. И Иван Червонцев — от коммунистов. И сам Савельев — от колхоза.

Говорили о каждом уходящем на пенсию подробно. Произносили слова «ветераны», «герои», «гордость колхоза».

Дед Опенкин тоже обижен не был. Старикам желали хорошего отдыха, долгой жизни.

Затем всем вручили цветы. Именно те, знаменитые шишкинские хризантемы.

Для ответа слово взяла тетка Марья. Она поклонилась тем, кто сидел в президиуме. Потом сделала еще более низкий поклон залу.

— Глубокое вам благодарение, — сказала старуха. — Спасибо от души, от сердца! От пенсии не отказываюсь, раз заслужила. Нет. Но и сложа руки сидеть не буду. Силы есть. Нет мне жизни без нашей фермы. — Тетка Марья повернулась к президиуму: — Прошу просьбу мою уважить — оставить при деле.

В зале раздались аплодисменты.

«Вот тебе и баба!» — подумал дед Опенкин. Потом он с тревогой глянул на Празуменщикова и заметил, что тот тянет вверх руку. «Так и есть, обойдет меня Празуменщиков», — понял дед Опенкин и закричал:

— Прошу слова!

Причем закричал, уже выходя из ряда. Эта прыть и решила дело. Дали ему слово до Празуменщикова.

Вылез старик на трибуну и сразу же:

— А я что — инвалид? Я еще ого-го-го! Я еще и без пенсии вам поработаю. — И так же, как тетка Марья, повернулся к президиуму. — Прошу просьбу мою уважить.

В зале снова раздались аплодисменты. Причем еще более дружные. А Павел Корытов даже выкрикнул:

— Ну и дает!

Вид у Опенкина был торжествующий. Первенство осталось опять за ним.

Празуменщиков снова вытянул руку. Дед Опенкин в душе хихикнул. Не страшен ему теперь Празуменщиков.

Но дед Празуменщиков попросил вовсе не слова.

— Разрешите вопрос?

— Прошу, Николай Николаевич, — сказал Савельев.

— Вопрос таков: облагается ли налогом колхозная пенсия?

— Нет, — ответил Савельев.

— Ясно, — сказал Празуменщиков и сел.

Деда Опенкина словно сразило громом.

Уже потом, после собрания, Савельев сказал старику:

— Зря ты, зря отказался, Лука Гаврилович. Излишняя скромность. Заслужил ведь пенсию честно.

Опенкин ничего не ответил.

ДОБРЫЙ ЗАЯЦ

Филимон Дудочкин, тот, с которым Савельев, приехав в Березки, проводил первую свою «индивидуальную» беседу, конечно, давно изменился. Не байбак он теперь и не лодырь. Работа у Дудочкина почетная: он комбайнер. План выполняет, машину знает.

Однако один грех за Филимоном Дудочкиным все же остался. Любил Дудочкин так же, как и в свое время председатель Посиделкин, бродить по полям и лесам с ружьем. Охота — дело хорошее и даже полезное. Но только, если она ведется в положенный срок. Филимон Дудочкин браконьерствовал, то есть бил зверя и птицу и в те месяцы, когда делать этого по закону не позволено.

Не считая уток, тетеревов, глухарей и зайцев, он даже лося однажды в лесу убил.

За браконьерство штрафуют и судят. Однако Дудочкин ни разу не попадался. Был осторожен, ходил на охоту скрытно, об успехах своих не болтал.

Знали в Березках, чем занимается Дудочкин, часто его корили. Но он отвечал:

— А я что? Я ничего. Ты видел?

Дед Опенкин с ним тоже как-то завел разговор.

— Ой, — пригрозил Опенкин, — дождешься ты, Филимон!... Зверь тебя сам накажет.

Старик оказался пророком.

Пошел как-то Филимон Дудочкин на зайцев, и опять в запрещенное время. В лесу на поляне рядом с оврагом поднял косога, вскинул ружье и стрельнул. Перевернулся через голову заяц, упал. Подошел браконьер к добыче, отложил ружье в сторону, прислонил его к какому-то пеньку, потянулся за зайцем. Только к ушам притронулся. И вдруг... подпрыгнул заяц, метнулся в сторону. Зверек был ранен, но не убит. Дудочкин еще и разогнуться от удивления не успел, как грянул выстрел

Браконьер взвыл и схватился за ягодицы.

Оказывается, метнувшись, заяц угодил на ружье и лапой задел курок.

Возможно, никто бы и не узнал в Березках о таком позоре Филимона Дудочкина, если бы не серьезная рана и не на столь ответственном месте. К тому же этот отважный поступок зайца видели своими глазами Кузя с Кекой. Мальчишки крутились возле оврага и оказались свидетелями. Они помогли браконьеру добраться с трудом домой. А потом и разнесли о случившемся всем в Березках.

Филимон Дудочкин хворал две недели.

— Добрый заяц тебе попался, — говорил дед Опенкин. — Добрый! Другой бы убил наповал.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Группа колхозников из Березок направлялась в Москву на Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства.

В состав группы был включен и Опенкин.

Никогда еще старик не был таким озабоченным и так не суетился, как в эти предотъездные дни. И это понятно: дед Опенкин в Москву собирался впервые.

— Интересно, что у нас за столица? Посмотрим, посмотрим, — приговаривал дед Опенкин.

Старик не только мечтал посмотреть Москву, но и себя тоже хотел показать. И, конечно, не в худшем виде.

Трижды ездил старик в райцентр за покупками. Развязал чулок (деньги дед по-бабьи хранил в чулке) и произвел необходимые траты. Купил костюм из шевиота, полуботинки с носами, как пики, узкими (кто-то сказал, что это будет как раз по моде). На голову шляпу. Потом долго раздумывал, что ему лучше подойдет к новой сорочке — «бабочка» или галстук? Остановился на «бабочке». А сообразив, что борода закрывает «бабочку», хотел бороду сбрить. Но удержался.

Когда дед вернулся в село, нарядился для пробы и вышел на улицу, все березкинские собаки, не признав старика, немедля его облаяли. Но это деда Опенкина не смутило. «Значит, изменился заметно», — сделал он правильный вывод. Москва деду хотя и понравилась, однако общий вывод у него был таков:

— Здоровая. Местами красивая. А все же до наших Березок ей далеко. Воздух там не тот. Дышать без привычки трудно. И ходить по улицам там опасно — милиция люто штрафует.

Зато от выставки старик пришел в небывалый восторг. Был он в эти дни, как никогда, разговорчив, со всеми знакомился и каждому

встречному рассказывал про Березки. Бегал по выставке, как молодой, всех поражая и шляпой и «бабочкой».

Тут на выставке и произошла у деда Опенкина неожиданная встреча. Повстречался ему их бывший председатель, Рыгор Кузьмич Губанов. Рыгор Кузьмич долго не мог признать деда.

— Да я тот самый, — объяснял старик, поправляя «бабочку». — Опенкин моя фамилия.

— А! — воскликнул Губанов. И страшно обрадовался: — Сивый мерин!

Дед хотел обидеться за прошлую кличку. Но в тоне Рыгора Кузьмича звучала такая искренняя радость, что дед не обиделся и ответил:

Рыгор Кузьмич живо интересовался делами в Березках:

— Ну как там ваш табун?

Спрашивал бывший председатель о Червонцеве, о тетке Марье, о Степане Козлове: мол, все такой же лодырь или исправился? Просил от него всем кланяться.

Оказалось, что Губанов колхозными делами уже не занимается. Вернулся на конный завод. За выведение новых пород лошадей он и попал на выставку.

Прощаясь, Рыгор Кузьмич сказал:

— Передай новому председателю: нужны будут кони — доставим аллюром.

Рассказал дед Опенкин в Березках об этой встрече. Невольно все вспомнили старое. Невольно заговорили и о Степане Петровиче. Да, многое изменилось за эти годы у них в Березках.

ТАЙНОЕ УГОЩЕНИЕ

Мечта о Доске почета по-прежнему не давала дяде Грише покоя. На следующий год он с еще большим усердием взялся за работу.

— Ишь резвый! — говорил дед Опенкин.

Выработал дядя Гриша на этот раз триста сорок трудодней. Так что никаких недоразумений не было.

Опять дядя Гриша ходил к тому месту, где висела доска. Опять любовался собой и следил, многие ли люди на его портрет смотрят. Снова ездил в Дубки и Грибки к свояку и к куму, приглашал тех приехать в Березки и тоже посмотреть на его портрет.

Однажды к доске подошел дед Опенкин, как раз в то время, когда крутился здесь дядя Гриша. Посмотрел старик на дяди Гришин портрет, посмотрел и на дядю Гришу.

— Похож, — заявил. — Однако в жизни выглядишь ты, Гришка, намного лучше.

Дядя Гриша заулыбался.

— А все же портрет тоже хороший, — продолжал старик. — Жаль, что висеть недолго.

Дядя Гриша насторожился.

— По закону парности, — заявил дед Опенкин, — должен ты, Гришка, второй раз слететь с этой доски.

И снова, представьте, накаркал, как и тогда Филимону Дудочкину.

Виною всему оказался Яшка Подпругин. Тот самый Подпругин, который, в отличие от Павла Корицова, так и остался Яшкой.

Яшка Подпругин варил самогон. И для себя, и для тайной продажи. Дважды его штрафовали и, казалось, добились успеха. Притих на время Яшка Подпругин. Но прошло недолгое время, и заметили снова люди, что винный запах постоянно идет от Яшки. Значит, гонит по-прежнему он самогон. Но сколько раз ни заходили к нему в избу, никаких примет самогонварения.

И вот однажды дядя Гриша, во время одной из грибных прогулок, блуждая по дальнему лесу и спустившись осторожно в лощину, заметил маленькую землянку. Труба торчит над землянкой. Из трубы подымается дым. Заинтересовался дядя Гриша, подошел к двери, заглянул внутрь. Видит: сидит в землянке Яшка Подпругин, а перед ним аппарат для самогонварения.

Перепугался Подпругин, увидя дядю Гришу, а затем расплылся в улыбке:

— Заходи, заходи, Григорий Данилович. Заходи — гостем любезным будешь.

Дядя Гриша зашел. Яшка Подпругин немедля преподнес ему шкалик. Попытался дядя Гриша отказаться, но как-то у него не получилось. Не устоял он против хмельного угощения. Выпил шкалик, второй и третий.

Возвращался дядя Гриша домой с покрасневшим носом и даже песню запел по дороге.

На следующее утро, конечно, о случившемся дядя Гриша посожалел. «Зачем пил, — сокрушался он, — зачем не удержался?» Нужно было бы в селе рассказать о Подпругине, но теперь после угощения делать это было как-то неловко. Дядя Гриша махнул рукой и решил смолчать. Мало того. Еще дважды в лес в гости ходил к Подпругину.

Все тайное рано или поздно становится явным. Так и тут. Недолго продержалась лесная землянка Подпругина неоткрытой.

Привлекли Подпругина к ответу за тайное самогонование.

Виновный стал выкручиваться.

— Почему тайное? — заявлял он. — Никакое не тайное. Люди об этом знали.

Стали выяснять, кто знал.

— К примеру, хотя бы Григорий Данилович, — ответил Подпругин.

Вот тут-то и слетел дядя Гриша вторично с Доски почета.

После этой истории правление колхоза вынуждено было внести и еще одну поправку в порядок выдвижения кандидатов на Доску почета. Мало того, чтобы человек выработал предусмотренную норму трудодней. Мало того, чтобы качество работы было отличным: будет учитываться также и то, как ведет себя в жизни тот или иной член артели.

БОЕВАЯ МЕДАЛЬ

Дела в Березках заметно сдвигались всё к лучшему и к лучшему. Особенно хорошо они обстояли у Нютки на ферме. И с надоем коров, и с ростом молодняка.

Осенью пошли слухи, что лучших животноводов будут представлять к награждению орденами и медалями.

Слухи скоро подтвердились. Не только Березки, но и весь район, и вся область шли успешно по сдаче государству мяса и молочных продуктов. Поэтому животноводов и решили отметить.

От Березок к наградам были представлены Нютка, зоотехник, тетка Марья и еще шесть человек. Награждение по области было массовым.

Дед Опенкин пронюхал и тоже предъявил свои права на награду.

Дело в том, что последние два года дед увлекся разведением в Березках, как он сам говорил, «индейской птицы», то есть индюков и

индюшек, и добился успехов достойных. От их распродажи колхоз имел необычайно высокий доход.

— Так награда же животноводам! — объяснил деду Савельев.

— А я что, не животновод? — отвечал дед.

— Индюк — это птица, — сказал Савельев.

— Вот и не птица, — оспаривал дед. — Птица — это курица, утка. А индюк — это животное. Да оно же и по размерам видно.

Конечно, за работу свою дед награды заслуживал. Но ведь действительно не назовешь индюка коровой! А награждали животноводов.

Пытался Степан Петрович уговорить деда, чтобы тот подождал: будут, наверное, и на будущий год награды. И, возможно, как раз за птицу, и вот тогда спора никакого не будет. Он, председатель, первым проголосует за деда.

Но старику, как всегда, не терпелось.

— А вдруг я помру? Нет, пиши меня в этот год!

— Да не дадут тебе награды, — объяснял Савельев. — Не дадут. В районе или в области все равно вычеркнут.

— А вот и дадут, — уверял дед. — Может, другим не дадут, а мне непременно. Разберутся в верхах и присудят.

До того пристал старик и к Савельеву, и к Червонцеву, и к другим членам правления, что те в конце концов не устояли. Внесли деда Опенкина в список как кандидата на медаль.

Далее события развернулись так. Из колхоза списки пошли в район. Из района (дед удержался) в область. В области списки представленных к наградам стали резко сокращать. Особенно по тому району, в котором находились Березки. Район плохо справился с зерновыми. Вот и решили наказать животноводов. Вычеркнули всех до единого. Однако когда дошли до имени деда Опенкина и прочитали, за что дед представлен к награде, то, во-первых, усмехнулись, а во-вторых, решили в списке его оставить. Разведение индюков в той области было редчайшим случаем. Индюки и вывезли деда.

В Березках все были поражены. Дед тоже.

Вручили Опенкину медаль в области на совещании передовиков.

Вернувшись в Березки, старик заявил, что медаль у него боевая.

— Боевая, — усмехнулся Савельев. — Боевая. С боем досталась.

Но старик имел в виду совсем другое. Стал он доказывать всем, что эта медаль его дожидалась без малого двадцать лет и награжден он ею вовсе не за индюков, а именно за тот известный всем подвиг в болотах.

Дед даже придумал версию. Мол, вся путаница произошла тогда из-за фамилии. Лейтенант, командир роты, представив его к награде, указал вместо Опенкин — Боровиков.

Кое-кто в это даже поверил.

— Ну, сравнялись мы, — говорил дед Алексею Вырину.

Правда, в Березках над этой дедовой версией посмеивались. Но спорить с ним никто не спорил. Все по той же причине: и трудно, и бесполезно. Впрочем, причина была и вторая. Хоть медаль и за труд, но и она боевая. Ибо труд — это тот же подвиг, и тот же бой. Это все понимали.

Медалью старик страшно гордился. Не расставался с медалью нигде. Ходил с нею и в клуб, и в баню.

Глава седьмая
И СНОВА БОЙ...
РОВЕСНИК

Савельев — ровесник Великой Октябрьской революции. Родился Степан Петрович в 1917 году.

За те годы, которые пробыл Савельев в Березках, много узнали здесь о председателе. Выяснилось, что он свой же крестьянский парень. Появился на свет Савельев в такой же русской деревне. Правда, в соседней области, на речке Ламе.

Отца он своего не помнит. Погиб отец Степана Петровича на гражданской войне от белогвардейской сабли. Было в ту пору Савельеву три года.

Прожил Савельев в родной деревне до семнадцати лет. Потом ушел на завод. Работал токарем. С завода был взят в армию. Отслужил действительную, послали по комсомольскому набору в танковое училище. Только его закончил, как началась война с белофиннами. Попал Савельев на войну, сражался в Карельских лесах на Ухтинском направлении.

Кончилась война с белофиннами, а тут подошла Великая Отечественная. С первого до последнего ее дня бился Савельев с фашистами. Был четырежды ранен и награжден шестью орденами. В том числе чешским и польским. После войны служил Степан Петрович в строевых частях. Затем преподавал в танковом училище. После демобилизации из армии он и приехал в колхоз.

В родном селе была у Савельева девушка. Машей звали. Вместе они росли. А когда уезжал Степан из села, поклялись в вечной любви и дружбе. Война всему помешала. Замучили Машу фашисты. Партизанила она вместе с односельчанами в родных лесах.

Светлую память о Маше и хранил Степан Петрович все эти годы. Так и прожил, ни на ком не женившись.

Демобилизовавшись из армии, конечно, мог Савельев поехать в родную деревню. Но не решился. Не хотел тревожить старые раны. К тому же мать у него умерла. Родных на Ламе никого не осталось.

Но и в Березки Савельев попал не случайно. Памятны Савельеву эти Березки. Память уходит в 1941 год. В пяти километрах от села за крутым оврагом, за дальним лесом, в той стороне, где дорога идет к районному центру, есть в Березках большое поле. Здесь в страшном танковом бою с фашистами получил Савельев свое первое ранение и пролил свою первую кровь за Родину.

Многие из друзей Степана Петровича навеки остались в этих местах. Может, солдатское сердце и потянуло сюда Савельева.

Но обо всем этом узнали в Березках не сразу. Не враз председатель для всех раскрылся.

Стало окончательно ясным и странное поведение Савельева в первый день по приезде в Березки. На местном кладбище лежали однополчане.

УЛИЦА КАПИТОНА ЗАХАРОВА

Разрослись Березки. И к югу, и к северу. И к лугу, и к лесу. И не только за счет новоселов из дальних мест. Съехались в Березки жители из соседних маленьких деревень. Из Горюшек, из Песчинок, из Мертвых Двориков. Трудно теперь в Березках: начинают путаться без названий улиц сельские почтальоны.

Возникла идея улицы наименовать. А чтобы не было так: бухнул первое, что на ум пришло, Савельев и предложил провести нечто вроде колхозного конкурса. Отвели на раздумья месяц.

Весь месяц все, вплоть до деда Празуменщикова, ходили, ломая головы. Только и слышалось:

— Придумал!

— Придумал!

— Придумал!

Постепенно жители стали группироваться, вносить общие пожелания от отдельных концов села.

Так, колхозники северной, самой нагорной части Березок решили свои улицы назвать именами советских космонавтов. Южная часть села стояла горой за поэтов. Тут прежде всего назывались имена Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, а из советских поэтов — Владимира Маяковского.

Савельев тоже внес предложение: назвать одну из улиц именем Сергея Есенина.

Все закричали:

— Верно!

И долго потом поражались, как они сами до того не додумались. Как это так, чтобы в Березках — и вдруг не было бы улицы Сергея Есенина.

Дольше других решался вопрос о наименовании главной улицы. Любили в Березках главную улицу. Широкая, просторная, стрелой пересекала она Березки и уходила до самого горизонта.

Кто-то полез с предложением: «Широкая», кто-то сказал: «Солнечная», женщины кричали: «Имени 8 Марта». Дед Опенкин предлагал назвать «Автомобильной».

— Ишь их сколько теперь развелось, этих машин! Аж страшно ходить по улице. Жужжат, спать не дают, — обосновывал он свое предложение.

Но тут выступил Филипп Спиридоныч Сизов, отец Лизы Сизовой. Начал он издавека.

— Памятью люди слабы, — ворчал Сизов. — Прошло, отвалилось, травой заросло. Теряется прошлому след, словно прошел по росе. Вышло солнце, и следа нет.

И уже потом заговорил о Капитоне Захарове — первом председателе в Березках.

— Отдал жизнь за колхоз, за людей Захаров, — говорил Филипп Спиридоныч. — А где ему доброе слово? Предлагаю главную улицу в нашем селе величать именем Капитона Захарова.

И всем стало ясно, что это и есть самое верное предложение. Стала улица — улицей Капитона Захарова.

ЛЕЙТЕНАНТ ШВАБРА

По билету денежно-вещевой лотереи рыжий Лентя выиграл мотоциклет. Никто не верил в такое, пока мотоциклет не пригнали в Березки.

Все поражались удачливости рыжего Ленти. И лишь дед Опенкин качал головой:

— Не повезло. Не повезло. Другие «Москвич» выигрывают.

Ездил Лентя без прав, без номера. Гонял он без усталости, доставляя радость местным собакам и пугая до смерти старух. Ездил младший Опенкин и в соседние села, в Дубки, и в Грибки, и даже по новой трассе в райцентр. Здесь и приметил мальчишку автоинспектор лейтенант Швабра.

Более сурового автоинспектора, чем лейтенант Швабра, пожалуй, нет во всем Советском Союзе. Нарушитель, то есть Лентя, — без прав, без номера — был, как говорят, налицо. Закон требовал действий.

Между Шваброй и рыжим Лентей возникла настоящая война. Лейтенант был стороной наступающей, мальчишка — ускользящей. Ускользал он действительно ловко. Трижды гонялся Швабра за рыжим Лентей по трассе, но безуспешно — обходил Лентя его по скорости.

Тогда Швабра устроил на мальчишку засаду. Стал поджидать его у колхозной чайной возле дорожной развилки, где самодельная трасса из Березок входила в большую трассу.

Проявил лейтенант упорство. На четвертом дежурстве заметил Лентю. Ринулся на своем мотоциклете наперерез. Причем так засвистел в милицейский свисток, что Лентя от неожиданности чуть не свалился.

Реакция у мальчишки моментальная. Увидев, что это Швабра и путь перекрыт, он немедля свернул с дороги на едва заметный проселок, который тянулся от той же чайной.

Швабра помчался следом. Лентя поднял страшную пыль, но это не помогло. Швабра не отставал, а, наоборот, на сей раз настигал,

приближался к Ленте. Мотоциклетный мотор у лейтенанта ревел во всю звериную силу: специально ставил Швабра мотор на ремонт.

Проселок вел к речке Переплюйке. Подскочив к Переплюйке — тут через речку шел узкий горбатый мосток, — Лентя увидел перед собой грузовую машину. Везла она доски. Сзади доски свисали с кузова. Когда машина вошла на мосток, задняя часть ее опустилась, и доски коснулись земли.

Вот неудача! Мосток занят, сзади свистящий Швабра, спасенья нет. Рыжий Лентя и махнул через доски. На полной скорости перелетел через кабину — водитель в кабине лишь ахнуть успел — и, словно лыжник с трамплина, пролетев по воздуху, приземлился опять на дорогу, уже по ту сторону Переплюйки.

Мотоциклет вильнул, но не свалился.

Пока машина прошла мосток, пока обогнал ее Швабра, мальчишка и выиграл важные очень минуты.

Сразу же за Переплюйкой начинался дремучий лес. Лентя немедля свернул на лесную дорогу, зная, что лес — это лучшее из укрытий. Помчался какими-то тропками, сворачивал влево, вправо, путал следы, как заяц. Но Швабра не отставал. Было ясно: на этот раз лейтенант задался целью не упустить нарушителя.

Промчавшись еще километра два, рыжий Лентя вдруг понял, что выскакивает он именно к тому месту, к тем самым топям, в которых чуть не погиб во время войны дед Опенкин. Мелькнул знакомый осинник. Лентя вскрикнул и по шею влетел в трясину. Жижа обхватила со всех сторон.

— Спа-а-асите! — дико заголосил Лентя.

И был спасен.

Подоспевший Швабра вытащил его на сухое место. Мотоциклет, конечно, погиб.

Такое стечение обстоятельств обескуражило даже деда Опенкина.

— Ну и ну, — поражался старик, — другоразь, и то же самое болото. И я тонул, и он тонул. И я уцелел, и он уцелел. И меня лейтенант вытащил, и его лейтенант вытащил. Ну и ну... В меня, значит. Жить ему долго.

За нарушение водительских правил рыжий Лентя, а точнее — дед Опенкин, был оштрафован Шваброй на пять рублей. Сам же Швабра за спасение Ленти был награжден медалью «За спасение утопающих».

В отношении штрафа дед Опенкин поворчал, но смирился.

Однако, узнав про медаль, был возмущен до крайности.

— Хви! За что же медаль? Сам же, паршивец, загнал в болото!

Савельев смеялся:

— Закон есть закон. Спас — полагается.

БЕДА

Улучшились дела в колхозе. И вдруг снова налетела беда в Березки. Ударила каждому в двери. Пережили Березки нелегкий год. Обрушился он фантастическим недородом и поломал многие колхозные планы. Словно машина на скользкой дороге, забуксовали на год Березки.

Особенно плохо было с общественным стадом. Корма иссякли уже к январю. Коровы сгорали как свечи. Еле держались теперь на ногах. Приходилось их под брюхо ремнями подвешивать. Бык Маврикий еле ворочал шеей. Телят стали пускать под нож.

Нютка Сказкина плакала. Заслоняла телят, кричала:

— Не дам!

— Все равна же подохнут.

— Не дам! — голосила Нютка.

Но даже Савельев не пришел к ней на помощь.

И все же Березки в тот год устояли. Помогли им соседи, помогла и страна. Хотя неурожай коснулся тогда и очень многих ее районов.

Зато год новый, как бы стараясь извиниться за прошлый, повернулся к колхозу щедростью. Приметы во всем сходились к великому урожаю. Тепло наступило вовремя. Мороз ни в осень, ни в весну не побил посевы. И дожди выпадали, словно по графику.

Рожь стояла в полях такая, что даже дед Празуменщиков говорил, что подобной ржи в Березках в этом веке еще не было. А была такая чуть ли не семьдесят лет назад. Вот как давно.

Коровы отъелись на сочном весеннем лугу, снова начали набирать в весе и давать молоко. Бык Маврикий опять как прежний. Закудахтали немногие из оставшихся в живых куры. Заплескались в воде утки и гуси.

Особым каким-то наливом наполнился колос на памятном Савельеву поле. Степан Петрович и раньше сюда наезжал, а в этом году особенно часто. Урожайи всегда здесь были хорошими. Казалось, поле хоть чем-

нибудь старается людям вернуть свой долг за тяжелую в прошлом плату.

Колхозный доход обещал вновь быть значительным, Настроение было у всех приподнятое, и никто не предполагал, что новой бедой, на сей раз непоправимой, обернется тот год для Березок.

БОЙ

Савельев возвращался из района в колхоз.

Степан Петрович обычно ездил один, без шофера. Он сам управлял машиной. Так было и в этот раз. Возвращаясь из района, председатель, как правило, на минуту, на две заглядывал на

«свое», как называли его в Березках, савельевское поле.

В этот день Степан Петрович вновь свернул к полю, к оврагу. Правда, вначале думал проехать мимо. Но что-то его толкнуло. К тому же колос

уже созрел. Не сегодня завтра нужно было сюда выводить комбайны. Час уборки лишь ждал команды.

Проехал Савельев вдоль леса, выскочил к полю — и ахнул. Край поля схватил огонь.

Откуда он взялся? Может, кто-то из туристов на краю леса в ту ночь отдыхал и оставил костер незатушенным? Может, просто папироска тому причиной? Возможно, другое. Дело сейчас не в этом. Огонь полыхал. И ветер гнал его в самую гущу хлеба.

Савельев побелел как полотно. Березки не рядом. Из-за леса огня не видно. Но, и увидев, не враз прибежишь. Да и попробуй подобный пожар тушить.

И главное — лучшее поле. И урожай стопудовый. И после нелегкого прошлого года колхозная надежда на тот урожай...

У Савельева сжались руки. Выход один — быстрее в село. Хорошо, что приехал сюда на машине.

Развернул председатель машину. Снова метнулся дорогой вдоль леса, проехал с полкилометра — из леса выходит трактор «ЧТЗ» со спаренным плугом. На тракторе Вася-ракетчик, а рядом вместо прицепа, как практикант, рыжий Лентя. Пропахивали, видно, ракетчик и Лентя лесную полосу.

Нажал на тормоз Савельев.

— Стой! Стой!

Выпрыгнул он из машины. Стянул за шиворот с трактора Лентю, словно пушинку перебросил в свой «газик» прямо за руль.

— Умеешь?!

— Теорию знаю, — водил обалдело глазами Лентя. — Практики не имел.

— Скорости помнишь?

— Помню.

— Гони! Бей по колхозу тревогу. Пожар за лесом на поле. Замешкался Лентя.

— Гони! — закричал Савельев.

Сорвался «газик» как метеор.

Впрыгнул Савельев на трактор, Василию бросил:

— Ну-ка, садись за плуги!

Ракетчик метнулся стрелой. Понял, в чем дело, Шишкин.

Взвыл трактор. Танком рванулся к полю. Танком вошел в огонь. Опустил Василий в землю железные плуги. Начался смертный бой.

Пламя лизало машину. Пламя кусало, как зверь, людей. Загорелась на Васе одежда. Затлела на Савельеве выходная районная пара. Дым застилал глаза. Врывался трактор в лавину огня, проскакивал. Быстро брал разворот и снова в безумной своей атаке шел в адово это пламя. А следом из-под плугов поднималась спасеньем земля, ложилась изнанкой наверх. Глушила собой огонь. Бороздой, как ручьем, преграждала ему дорогу.

— Держись! — кричал председатель. — Держись!... Слышишь меня, Василий!

— Слышу, — отзывался Василий. — Слышу... — И лишь губы кусал от боли.

Когда примчалась из Березок колхозная помощь, пламя уже угасало. На пропаханной полосе ревел, содрогаясь мотором, трактор. А рядом лежали Савельев и Вася. Смотреть на них было страшно.

Тут же на машине отправили героев в больницу, в район. Из района — немедля в область. Из области — самолетом в Москву.

В ПОЛЕТЕ

Самолет шел на большой высоте. Облака были ниже. Как «юпитер», в небе пылало солнце. Савельев и Вася лежали на носилках. Рядом дежурил доктор.

Степан Петрович то на короткие минуты приходил в себя, то снова терял сознание. И в эти короткие мгновения проносились в мозгу у Савельева одна за другой картины.

То видел Степан Петрович детство свое. Вот он — светлоголовый маленький мальчик. И рядом речка Лама, и почему-то мать на берегу. Молодая, красивая. В тревоге прижимает она к себе сына. Словно защищает его от занесенной над мальчиком сабли.

Потом мать пропадала, и возникала Маша. Бежала Маша берегом Ламы. А сзади бежал Савельев. Маша смеялась. Савельев смеялся. И вдруг этот смех превращался в раскаты орудий. Взлетала от взрывов земля под ногами. Савельев видел себя в танке. Танк врывался в огонь. Но тут же превращался в трактор. Затем трактор — в танк, и танк —

опять в трактор. Путалось все. Савельев чувствовал жуткую боль. Он сжимал зубы. Но стон вырывался помимо воли.

Над ним наклонялся доктор. Савельев утихал и забывался.

Затем сознание вновь возвращалось. Перед Савельевым промелькнули лица Червонцева, деда Опенкина, Нютки с ее криком «не дам!». Почему-то наглое лицо Степана Козлова с криком уже самого Савельева «уходи!». Затем появилась фигура того знаменитого генерала, который приезжал однажды в Березки, его низкий поклон односельчанам и слова: «Спасибо. Намек понял. Виноват я перед Березками». Наконец, возник пруд и Анисья Ивановна. Сидит он вместе с Анисьей Ивановной. Сидят и молчат.

После этого Савельев забылся надолго. Когда к нему вновь явилось сознание, он увидел Березки. Словно бы с высоты, с полета. Стояла весна в Березках. Молодая зелень шумела вокруг. Журчала и пела на сотни тонов Переплюйка. Носились стрижи. В небе повисла радуга.

Видел Савельев село и широкую улицу, ту главную, центральную, которая стрелой пересекала Березки и уходила к небу до самого горизонта.

Последнее, что слышал Савельев, был гул мотора. Умер Степан Петрович на высоте, в полете.

Ракетчик остался жив. Через месяц он вернулся домой — в Березки.

НЕ ОСТАНОВИШЬ!

На похороны Савельева приехало в Березки много незнакомых людей.

Гроб с председателем был установлен в клубе. Рядом с гробом стоял портрет. Савельев чуть улыбался, глядя внимательно в зал. Снимок был сделан в годы войны. Совсем молодым смотрел с него на людей Савельев. Был он в танкистском шлеме. Казалось, что воин только что вернулся с лихой атаки и снят он на очень коротком привале. Вот-вот, казалось, шевельнется на портрете Савельев и снова ринется в бой.

Выступали на траурном митинге и свои, и приехавшие. Речи не открыли ничего нового. Жизнь председателя была у всех на виду. И тем горше была утрата.

И все же что-то новое появилось у всех. Задумались люди и поняли вдруг, что какие бы новые беды ни прошли над Березками, после Савельева к прошлому все закрыто. Не остановишь Березки теперь.

После похорон портрет Степана Петровича повесили в клубе. А через несколько дней в том же клубе состоялось общее колхозное собрание. Тема его — первые итоги колхоза в уборочной.

Все еще находились под впечатлением только что пережитого. Поэтому любой из выступавших касался и имени и дел Степана Петровича.

Вышел на сцену и дед Опенкин. С минуту старик стоял молча. Не ронял ни слова. Он лишь пристально смотрел на портрет председателя.

Тишина установилась редчайшая.

И вдруг:

— Пусть не в клубе висит Савельев! — прокричал старик. — Место ему на воле. Пусть своими глазами все видит. При жизни не боялся ветров Савельев. Ему и сейчас не страшно.

Старик замолчал и спустился со сцены. Шел он необычной какой-то походкой, медленно, не торопясь.

Лишь через несколько мгновений раздались первые тихие голоса:

— Верно.

— Место ему на воле.

— Пусть своими глазами все видит.

И тут взял слово Иван Червонцев.

— Согласен, — сказал Червонцев. — Только все же пусть портрет остается в клубе. А перед клубом на площади предлагаю от колхоза, от всех и от каждого, поставить Савельеву памятник.

Зал ожил. Пошли голоса по рядам. Дед Опенкин кричал:

— Я тоже за это! Только пусть будет и там молодым. И в шлеме танкистском пусть будет.

Стоит сейчас в Березках памятник председателю. Молод Савельев. В шлеме танкистском. Смотрит он вдоль села. Кажется, только вернулся боец из атаки. И тут, на гранитном камне, он на очень коротком привале. Вот-вот шевельнется гранитный Савельев, улыбнется Савельев людям и ринется снова в бой.

